

Олег Механик

**Осколок белого
бумеранга**

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Олег Механик

Осколок белого бумеранга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51004094

SelfPub; 2023

Аннотация

Кажется, что выхода нет, и ты в тупике. Тебе подсунули неправильную жизнь, тебя подкинули в этот враждебный и злобный мир. Всё идёт по накатанной, серый колобок жизни катится через школу, ПТУ и закатывается в ворота военкомата. Бах! Взрыв противопехотной мины делает тебя инвалидом. Здесь на жизни неудачника нужно ставить жирный крест. Но как раз с этого самого момента твоя жизнь только начинается и в ней скоро случится великая дружба, неповторимая любовь и множество интересных приключений. Ты создашь свой бизнес, о котором не мог и мечтать, будешь жить в Барвихе, станешь управляющим большой сети столичных кафе. Всё это благодаря встрече с одним человеком. Этот человек научит тебя любить жизнь и радоваться каждому отпущенному тебе дню. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	9
2	14
3	21
4	25
5	31
6	35
7	42
8	53
9	68
9	78
10	90
11	101
12	113
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Олег Механик

Осколок белого бумеранга

Пролог

Голубь снова здесь. Я уже перестал ему удивляться. Он прилетает каждый день в одно и то же время, словно по расписанию. Белый – белый, без единой пометки в виде пятнышка, или серого пёрышка. Он крупный, просто невероятно большой. Может мне это кажется, но там внизу я не видел таких. Что он делает здесь на двенадцатом этаже каждый вечер перед закатом? Почему именно здесь, в окне моей палаты? Моя кровать расположена вдоль огромного окна, так что я могу подолгу внимательно разглядывать его, любоваться красотой грациозной белой птицы.

По моей просьбе медсестра оставляет жалюзи открытыми. Вид отсюда просто отпадный. Всё свободное время я люблю бескрайней, залитой солнечным светом берёзовой рощей и красивыми кучевыми облаками, проплывающими над моей головой в бездонном небе. Эта картина, лучшее, что может показать мне этот мир, прощаясь со мной. Две картины – роща и этот голубь.

Свободное время. Ха! Звучит довольно странно, применительно к человеку, в прямом смысле слова прикованного

к постели. Сейчас я похож на муху, запутавшуюся в паутине. Хитрый паук сделал всё, чтобы лишить меня возможности выпутаться. Он сплёл паутину из трубочек капельниц и тонюсеньких проводов, которые пиявками присосались к моей груди. Кончики паутины соединяют меня с насосами, аппаратами, мониторами, которые непрерывно попискивают, строят какие-то графики, таблицы, диаграммы. Машины выводят формулу, благодаря которой безошибочно определяют, сколько мне ещё осталось.

Голубь шумно цокает лапками по жести подоконника и беспрестанно крутит маленькой головкой с крошечными глазками, словно высматривая меня через двойное стекло.

«Хватит здесь валяться, пора лететь»! – Маленькая головка, кивает в сторону, приглашая меня с собой.

Потерпи, дружок, осталось немного. Теперь я могу назвать точный срок, когда присоединюсь к тебе. Это будет послезавтра, в день, когда мне назначена операция.

Арцер, меня будет оперировать сам Арцер. Этого светила, выдающегося кардиохирурга, Михалыч выписал аж из Гамбурга. Этот последний отчаянный рывок всё, что может сделать для меня так и не случившийся тесть. Он прекрасно знает, что мои шансы ничтожны, как знает это и сам профессор. Только Женька не знает. Она просто не хочет этого знать.

Крохотный шарик от подшипника, диаметром три миллиметра, застрявший в стенке аорты в какой-то момент начал своё путешествие по моей кровеносной системе. Он как в

метро пересел с красной ветки на синюю, и путешествовал от станции к станции, пока не добрался до одного из выходов, в моём случае до клапана. Так что без операции, мои шансы равны нулю, а с операцией, в лучшем случае, одному проценту.

Этот крохотный кусочек металла ставит жирную точку, подытоживая мою третью и последнюю жизнь. Да да третью. Этой жизни дал старт тот же самый шарик, который там, в вагоне метро, на скорости тысячи километров в час, как в масло вошёл в мою спину и застрял в стенке аорты.

Что касается второй жизни, то она началась на горной тропе, в тот самый момент, когда я услышал металлический щелчок под сапогом.

Звучит как парадокс, но эти страшные, на первый взгляд события, которые по природе своей должны ставить крест на жизни, делали её более живой и заставляли течь по другому руслу. Живая жизнь это не тавтология. Например, свою первую жизнь я не назвал бы живой, хотя только в той первой жизни я был полноценным (в общем понимании) человеком. На самом деле, тогда и только тогда я был настоящим инвалидом. Только позднее я стал понимать, насколько сильным недугом я страдал. Та инвалидность была гораздо хуже увечий, полученных мной позднее. Как раз эти увечья, эта реальная инвалидность заставила меня посмотреть на свою жизнь с другой, оборотной стороны. Благодаря взрыву в горах я познакомился с Длинным, который перевернул всё моё

представление об этом мире. «Благодаря взрыву» – звучит вроде бы страшно, но это на самом деле так.

Следующий взрыв в вагоне метро послужил началом нашего короткого романа с Женькой и других по – настояще-му интересных событий, ради которых и стоит жить на этом свете.

Все три жизни я попытался вложить в объём одного канцелярского блокнота. Это удивительно, но вошло всё. Мелкие каракули, утрамбованные в сто страниц, описывают весь мой путь от начала и до конца. Негусто для трёх жизней? Может быть. Может быть получилось коротко, (это уж насколько позволил мой блокнот), но зато ярко и интересно.

Мелко исписанные страницы блокнота, хрустят, топорщатся, не дают ему закрыться. Теперь это не простая канцелярская принадлежность. В этой, небольшой книжице с малиновой обложкой из искусственной кожи, вся моя история. Я взвешиваю блокнот на ладони. Кажется, он стал даже легче, из плотного кирпича превратился в распушённый веер. Все три жизни, которые я тщательно трамбовал сюда всю ночь, оказались совершенно невесомыми. Надеюсь, что они станут такими же лёгкими в разборе и понимании. Ведь это всё, что я оставляю после себя.

К концу изложения этого труда, я понял, что две страницы так и остались незаполненными. Наверное, это слишком много для тех двух дней, которые мне отпущены, но что есть, то есть. В последнее время я начал понимать, что ничего не

происходит просто так, значит, мне будет, чем заполнить эту пустоту.

Я подмигиваю голубю. Мне показалось, что он мне ответил. В его остроносом профиле есть что то родное, знакомое. Он напоминает мне одного очень дорогого мне человека.

Пришло время лететь. Голубь встрепенулся и сорвался с подоконника, часто махая крыльями.

«Не сегодня, значит не сегодня! Моё дело предложить! Пока ты тут определяешься, я к своим!».

Я провожаю глазами белое, бликующее на красном закатном солнце пятнышко, пока оно не исчезает в зените. Интересно, куда он улетает каждый раз, ну уж точно не на землю.

В который раз открываю блокнот и перечитываю строки, которыми закончил свою историю.

«Но всему приходит конец. Маленький шарик, словно планета совершившая путь в своей галактике, заканчивает своё путешествие. Вместе с его путешествием заканчивается и моё.

Вы не поверите, но я нисколько не расстроен. Я рад, что «У МЕНЯ ЭТО БЫЛО» и благодарю Бога, за то, что дал мне почувствовать и насладиться этим. Когда ты удовлетворён, когда ты полной грудью вдохнул жизни, ты не будешь просить, чтобы она повторилась, ведь ты уже получил всё, чего хотел».

Часть первая

1

Описание первой жизни будет коротким. Два, от силы три листа. Я не намерен тратить на него много драгоценных страниц блокнота. Они сейчас ничто иное, как моё время. Ограничусь минимумом, который необходим для общего понимания, без подробностей, в которые мне не хочется вдаваться, тем более вспоминать их во всех красках. Да какие там краски, сплошная серость.

Вы когда – нибудь смотрели скучный чёрно – белый фильм, где отвратительная картинка соседствует с мёртвым сюжетом? Может быть Вы читали толстую неинтересную книгу, типа «Теории марксизма – ленинизма», которую всякий раз хочется захлопнуть, но нельзя, потому что завтра экзамен. Ты клюёшь носом, но всё равно без разбору глотаешь чёрные выбитые свинцом догмы. Примерно такое же серое чтиво представляла собой вся моя сознательная жизнь вплоть до двадцати пяти лет. Серые кадры, серые дни, желтеющие страницы, никому не нужной книги.

Я родился в каменном пыльном мешке небольшого города. Мои родители всю жизнь проработали на огромном сером заводе, которому отдавали не только своё здоровье, но всю энергию, молодые годы и любовь. Любви на нас сестрой

критически не хватало. С раннего детства я был предоставлен сам себе. С точно такими же беспризорниками мы играли в футбол рваным резиновым мячом, протирали штаны в беседках и на ступенях подъездов, лазили по чердакам и подвалам. Наверное, уже тогда многие из нас подсознательно готовились стать потенциальными бомжами и учились находить себе тёплые места для ночлежек.

Основной закон, по которому я жил и который был впитан мной с молоком матери, был «Не выделяться...». Этот закон в моей голове подмял все остальные законы. Чтобы не выделяться из нашей компании, в недрах которой я чувствовал себя довольно уютно, я нарушал школьную дисциплину, прогуливал уроки, вместе со всеми издевался над слабыми одноклассниками. Вместе со всеми уже с четвёртого класса начал курить, а в седьмом уже выпивать. Ни в коем случае нельзя было выпадать из обоймы, для этого нельзя было тянуть руку на уроках, даже когда знаешь ответ, нельзя получать хорошие отметки, нельзя читать книги, нельзя заниматься спортом, нельзя дружить с лохами и девчонками. Ещё нельзя было слушать родителей, поэтому круглыми сутками мы пропадали на улице.

Мать с отцом злились на мою низкую успеваемость и плохое поведение и так искренно удивлялись «В кого он у нас такой...», словно ожидали, что улица может привить мне какие-то высокие манеры и ценности в жизни. Улица не оправдывала их ожиданий, она была так себе педагогом.

Ещё тогда в раннем детстве я чувствовал себя подкидышем. Иногда, проснувшись утром, и слушая, как шепчутся на кухне родители, мне казалось, что они скрывают от меня какую – то тайну. Всё на самом деле не так, и они не мои родители, и мир вокруг совсем не такой, каким описывают его они и учителя, и я оказался чужим в этом мире. Я заброшен в этот мир, поэтому он враждебен ко мне, как ко всему чужому. Сбившись в стаю таких же чужаков, мы вынуждены были отбиваться от нападков этого мира.

Серый колобок моей жизни катился с пологой горки целых двадцать лет, пока не закатился прямым в ворота военкомата.

В армии я оказался в своей тарелке. Там было полно таких же чужаков, выплюнутых миром.

Именно там, в армии произошёл изгиб, искривление моего достаточно ясного пути, прямо ведущему меня по следующим маршрутам: неудачная женитьба, тюрьма, алкоголизм, безработица, еще раз тюрьма и так далее до самого конца. Но что-то уже тогда подкорректировало вектор моего пути, изменив маршрут и убрав из него такие остановки, как женитьба и тюрьма, но оставив при этом пьянство и безработицу.

Я много раз анализировал, что заставило меня написать заявление о переводе в часть, которая направлялась в одну из кавказских республик для устранения локального конфликта. Тогда я в числе немногих выделился из серой мас-

сы, что было абсолютно мне не свойственно. Поэтому, много раз вспоминая этот момент, я задавал себе вопрос «ПОЧЕМУ?». Раньше я объяснял это явление умопомрачением, явившимся на фоне выпитой накануне палёной водки. Только сейчас я могу уверенно сказать, что это было.

Пока я дрожащей рукой выводил каракули заявления, где то за тысячи километров кто-то ковырял сапёрной лопаткой окаменевший грунт возле узенькой козьей тропы. Этот кто-то бережно вложил зелёную баночку цилиндрической формы в выкопанное отверстие и аккуратно присыпал землёй. Потом, убедившись, что сюрприз замаскирован надёжно и обязательно дождётся своего получателя, он улыбнулся, сел на велосипед и поехал вниз, в сторону горного села. Получатель же, тем временем, ставил точку в расписке о получении.

А потом в расхлябанном гремящем эшелоне я помчался навстречу своему первому повороту в судьбе, который ждал меня за кавказским хребтом.

Когда в грязных окнах вагона перестали мелькать берёзки, и поезд всё чаще стал пропадать в тёмных тоннелях и ущельях, у многих из нас стали сжиматься сердца. Было какое-то предчувствие, что не все из нас смогут вырваться назад из-за этих страшных каменных отрогов. Потом поезд дошёл до своей конечной точки, узловой станции на берегу моря. Мы выгрузились из вагонов, и, стоя на перекличке, осторожно вдыхали этот чуждый воздух, в котором витал запах смерти. Потом нас загрузили в тентованные «Уралы» и по-

везли по пыльному серпантину в горы, где разбросали по постам.

Я не буду вдаваться в подробности двух месяцев моей службы там, ведь история совсем не про это. Позволю себе ограничиться несколькими словами для описания всего того, что там видел и в чём принимал прямое и косвенное участие: пьянство, мародёрство, трусость, воровство, жестокость, случайные нелепые смерти. Много случайных нелепых смертей. Даже имея в основном негативный жизненный опыт, я не мог себе представить более забытого Богом места, чем то, где находился.

Ещё раз повторяюсь, что не хочу описывать события, которые увидел там, хотя они и заслуживают описания в отдельной книге, сюжет которой был бы очень мрачным, в отличие от этой. Вы скажете, что-то и здесь не особо весело. Но прошу Вас набраться терпения и вместе со мной пережить те мрачные события, которые предшествовали основной истории.

Перейду сразу к тому дню, когда случился первый поворот. Утро этого августовского дня началось с выкуренного на троих косячка с ароматной горной травой; продолжилось распитием чёрного молодого вина и бурным весельем. Гудел весь пост, включая караульных и командира офицера. Это было обычным делом там, в глуши, в кольце скалистых гор, при одном взгляде на которые уже срывало крышу. Мы находились в горах уже полгода, и такие гулянки были обычным нашим досугом.

В этот день дозы лёгкого наркотика и вина, смешавшись в моём организме в идеальных пропорциях, приподняли моё настроение на небывалую высоту. Помню заваленный огрызками трофейного мяса и заставленный бутылками с вином стол под навесом из маскировочной сети; помню, как мы до коликов ржали над анекдотами, которые очень эмоционально рассказывал пацан, по кличке Белый; помню, как расставляли на склоне горы пустые бутылки и пластиковые ведра, а потом расстреливали их из автоматов. Эта забава была непременно атрибутом, которым обычно заканчивалась каждая пьянка.

Я с удовольствием высаживал очередной рожок в красное пластмассовое ведро, которое прыгало и каталось по выжженной солнцем траве, словно убегая от попадающих в

него пуль.

Вдруг, я увидел её. Вспоминая это в очередной раз, я снова вижу её отчётливо, так же как тогда. Она стояла, не шевелясь, на каменистом выступе горы и смотрела в нашу сторону. Белая козочка, словно из сказки про семерых козлят, находилась примерно в двухстах метрах от нас выше по горе, у подножья которой мы расстреливали свои мишени. Я пристегнул новый рожок, вскинул автомат и прицелился. Странно, но голова козы, которую я видел теперь, через прорезь прицельной планки не шевелилась. Мне стало казаться, что она смотрит прямо на меня. Я не мог видеть её глаз, но ясно чувствовал этот взгляд, и он мешал мне выстрелить.

– Ты куда целишь, Санька, – услышал я пьяный голос старшины Димы Борзенкова. Этот крик заставил мой палец на курке дёрнуться, и я дал длинную очередь. Когда известковая пыль, поднятая пулями, осела, на выступе никого не оказалось.

– Там коза была, белая! – заорал я. – Я её ранил!

Дима выхватил снайперскую винтовку СВД у Белого и в прицел стал разглядывать выступ и кустистые окрестности.

– Нет там ничего, – говорил он, не отрываясь от прицела. – Ты точно её видел?

– Так же как тебя. Она смотрела прямо на меня! – возбуждённо орал я Борзенкову.

– Значит не попал... – пожал плечами старшина.

– Да как не попал, я в неё целый рожок высадил! – про-

должал возмущаться я.

– Видишь, Санька, и на старуху бывает проруха! – Борзенков, снисходительно ухмыляясь, похлопал меня по плечу, зная, что этим самым может меня только раззадорить.

– Если я её притащу, блок «винстона» подгонишь? – Я, азартно улыбаясь, протянул старшине руку.

Лишь только наши ладони расцепились, я закинул автомат за спину и побежал к подножью горы.

– Санька, а с чего ты взял, что это была коза, а не козёл? – засмеялся мне вдогонку Борзенков.

– Потому что коза, – крикнул я, не оборачиваясь, так как уже начал забираться в гору, продираясь через колючие кусты.

Уже потом я много раз думал о том, с чего я действительно взял, что это была именно коза. Позже, раскладывая эту ситуацию по полочкам, я стал сомневаться, что там вообще что-то было. Такая ясная картинка просто сказочной козы могла быть вызвана галлюцинацией после травки.

Только теперь, снова вспоминая этот случай, я точно знаю, что она там была; что это была белая козочка, и смотрела она именно на меня.

Я бодро скакал вверх, отталкиваясь широко расставленными ногами, обутыми в берцы от кочек и выступов. Путаясь в колючем терновнике, я вскидывал голову вверх, выглядывая тот выступ, на который должен был ориентироваться, и продолжал приближаться к точке, которой наверняка не

было на минной карте, но которая чётко была отпечатана на карте моей жизни.

Продравшись сквозь очередной кустарник я увидел узенькую извилистую тропинку, которая, извиваясь словно желтый уж, вела вверх, уходя левее того места, куда я хотел попасть. Я решил быстрее взобраться по ней до нужной высоты, а там снова прорываться через кусты.

Я отчётливо помню, как летел вверх по этой тропинке, как слаженно, словно две мощные пружины работали мои ноги. Они мягко отталкивались от жёлтого грунта, подбрасывая меня вверх, они отлично выполняли свою последнюю работу. Я помню, как моя правая нога, наступив на небольшой бугорок, провалилась вниз, и я ощутил мягкий металлический хруст, словно раздавил слизняка, внутренности которого состоят из проволоки. Я оттолкнулся, чтобы переместить вес на левую ногу, но толчок получился такой силы, что меня на два метра подбросило вверх.

«Ни хрена себе, как Хон Гиль Дон», пролетело у меня в голове, прежде чем моё тело с размаху завалилось в колючки. Оттолкнувшись спиной от пружинящего куста, я тут же попытался встать на ноги, но они, почему то изогнулись подо мной, словно ватные и я снова упал на спину. Я почувствовал странную вибрацию, словно моё тело было пустой жестяной трубой, по которой со всего маху ударили железным прутom. Только когда в ушах сильно зазвенело, и небо надо мной стало раскачиваться, словно вода в полном ведре, я по-

нял, что произошло нечто непоправимое. Я стал орать, но не слышал своего голоса. А потом всё провалилось, и дальше помню лишь обрывки. Мне показалось, что я погружаюсь на дно огромного чана, наполненного белой жидкостью, похожей на молоко. Чем глубже я погружался, тем невесомей становилось моё тело, и ослепляющий белый свет заливал изнутри глаза.

Две пары рук, погрузившись в чан, нащупали моё тело и рывками вытаскивали его на поверхность. Вынырнув, я увидел бледные лица Борзенкова и лейтенанта Володина, который размашисто хлестал меня по щекам и орал: «Сашка... Санёк, очнись! Слышишь? Не отключайся! Мы тебя вытащим!»

Я снова ощутил во всём теле вибрацию, которая переходила в покалывание. Так бывает, когда в затёкшую руку, или ногу возвращается кровообращение и покалывание переходит в нестерпимую боль. Подобное состояние я начал ощущать во всём теле. Нахлынувшая волна дикой боли снова погрузила меня в чан с молоком. Моё сознание всё глубже и глубже погружалось в белое небытие. Оно пыталось добраться до самого дна, туда откуда его невозможно будет достать.

Снова кто-то заудил меня, зацепил сетями словно рыбу и тащил вверх. Вынырнув на поверхность в очередной раз, я слышал громкий шум винтов. Надо мной склонились несколько лиц, на этот раз все незнакомые.

– Давайте ещё пять кубиков промедола и грузим – орал

один, пытаюсь перекричать шум винтов; второй тут же за чем – то побежал, а третий склонившись над нижней частью моего тела, делал там какие-то манипуляции. Когда у первого в руке оказался шприц тубик, он уверенным движением, распахнул ворот кителя, схватил меня за подбородок, отворачивая голову в сторону, и сделал укол в шею.

Я снова попытался погрузиться в тёплое молоко, но сделанные инъекции не позволяли мне уйти далеко, и я плавал где то на поверхности, слыша отрывистые голоса и непрекращающийся шум винтов. Молоко уже не давало такого успокоения, оно начинало кипеть и окрашиваться в красный цвет. Я стал приходить в себя и тут же отключаться от нестерпимой боли. Наверное, я каждую минуту приходил в себя и каждую минуту терял сознание.

Я возвращался и уходил десятки раз, и в моих глазах, словно чередующиеся кадры, проносились какие-то лица, каждое из которых упорно вглядывалось в мои глаза, серый фюзеляж вертолѐта, чья – то рука с наколкой на запястье «за ВДВ», придерживающая стойку капельницы. Потом я выключился видимо надолго и когда очнулся, тут же зажмурил глаза от ослепляющего света прожектора. Над моей головой огромной тенью нависло круглое мясистое лицо в зелёном колпаке.

– Иваныч, он оклемался, – сказало лицо кому-то хриплым басом.

– Ну чѐ теперь делать, придѣтся так, – Отвечал другой бо-

лее высокий голос. — Он весь промедолом обколот, его сейчас ничего не возьмёт.

— Ну держись браток, — сказала огромная голова и нависла надо мной крепко ухватив за плечи.

Я услышал звук электрического мотора. Такой звук издаёт дрель, включенная на самых высоких оборотах. Резкая, дикая, непереносимая боль вместе с металлической вибрацией заставила меня изогнуться дугой. Я орал и пытался вырваться из цепких рук огромного санитаря, но тот навалился на меня, всем телом придавив к столу. Эта изощрённая пытка продолжалась вечно, и ей не видно было конца. Мат вместе со слюнями вырывался из моей сорванной гортани, а огромный санитар материл меня в ответ. Самое страшное во всём этом, что я не терял сознание. Я не мог провалиться, не мог найти дверь, в которую вошёл, чтобы выскочить через неё наружу. Мне нужен был спасительный чан с тёплым молоком, но я никак не мог до него добраться.

Мне кажется, что я выключился только тогда, когда просто не осталось сил кричать и бороться. На этот раз это было впадение в долгое чёрное беспамятство, из которого я возвращался лишь частично в моменты, когда меня куда то везли, перекладывали, меняли повязки. Тогда я словно смотрел на себя со стороны. Наверное, моя душа тогда частично покинула тело. Она, видимо, готова была выпорхнуть наружу, но за что-то там зацепилась.

Я стал приходить в себя уже в серой палате военного госпиталя, куда меня привезли после реанимации. Возвращение в реальность было ничем не легче уже перенесенного кошмара, потому что мне пришлось осознать, что я молодой инвалид; осознать, что мне больше никогда не стать полноценным, никогда не вернуться к прошлой жизни, никогда не быть счастливым.

Меня ужасно мучили фантомные боли. Мои ноги, которых уже не было, всё же продолжали болеть. Я стонал круглые сутки, не давая уснуть соседям по палате.

Ночами я бредил, мне снилось, что я в лунном свете хожу по ночному городу. Гуляю по родному двору на двух своих ногах. Мешала ходить только тупая боль и хлюпанье в сапогах. Когда я смотрел вниз на свои ноги, почему то обутые в кирзовые сапоги, я видел, что при каждом шаге через верх голенищ хлещет кровь.

Следователь особист, который навестил меня один раз, чтобы подписать нехитрый протокол рассказал, что я навалился на противопехотную мину с пружинным механизмом, которая при нажатии на неё выпрыгивает вверх на полметра. Такие мины ещё с Афгана прозвали «Лягухами».

Больше всего этого следователя поразил один факт, которым он поделился со мной. Во – первых, место для закладки

мины было довольно странным. Заросшая, никуда не ведущая тропинка в горах использовалась, скорее всего, раньше местными жителями, которые ходили по ней в лес, для заготовки дров. В простонародье такие тропы назывались «козыми». Следовательно, а так же все его коллеги недоумевали, кому и зачем понадобилось закладывать мину в таком месте. Второй недоступный обычному сознанию факт заключался в том, что после случая со мной на место прислали целый взвод сапёров, который прочесал не только эту тропу, а весь пригорок и окрестности поста в периметре двух километров.

– Как ты думаешь, сколько мин там ещё было обнаружено? – спросил он меня, с видом учителя, задающего школьнику интересную задачу.

– Не могу знать! – отвечал я по армейской привычке, косясь на его капитанские погоны.

– Ни од – ной! – произнёс он по слогам и выдержал театральную паузу, глядя на меня в упор маленькими серыми глазками. Я не совсем понимал смысла его слов, которые он произнёс с видом выносимого приговора, поэтому пожал плечами.

– Как ты умудрился наткнуться на мину, установленную хрен знает кем, хрен знает, в каком месте?

– Наверное, это была моя мина, – почему то ответил я, горько улыбнувшись. Только спустя много лет, я понял смысл слов, сказанных мной следователю, а тогда сам удивлялся этой фразе, внезапно вылетевшей из моего рта. Уди-

вился и следователь, который недоумённо пожал плечами.

Странно, но в этом мрачном заведении с его серыми стенами, хмурым персоналом и спёртым воздухом, постоянно балансируя на грани жизни и смерти из-за загноения ран и прицепившейся в довесок ко всему пневмонии, я в первый раз поймал то состояние, в котором жил последние два года.

Это ощущение внутреннего подъёма, восторга независимо от мрачных обстоятельств. Ощущение того, что каждый твой день может быть последним, ощущение интереса и любви ко всему, что тебя окружает. Когда боли меня отпускали, я много улыбался, смотрел в окно, (прямо как сейчас), шутил с соседями по палате.

– А ты молодец, не сдаёшься, уважаю! – сказал мне как-то казах с овальным лицом по имени Нариман. Ему прострелил колено сослуживец, уставший терпеть его издевательства. Теперь Нариман ждал, когда его комиссуют, и он вернётся на Родину героем. Мы все должны были вернуться героями, и некоторые даже искренно уверовали в это.

Я не понимал причину восхищения мной этого казаха. В тот момент мне казалось, что всё очевидно и просто, и я не мог понять, как может быть по-другому. Когда тебе больно ты кричишь, плачешь, когда боли нет, ты улыбаешься. Я ни с кем не воюю, чтобы сдаваться; я просто живу.

Но по мере того, как мои раны затягивались и крепчало здоровье, это чувство начинало пропадать и к моменту моей выписки сошло на нет. Его сменила, депрессия, апатия

и злость. Злость на себя, что оказался таким неудачником; злость на окружающих за то, что они здоровы и полноценны; злость на весь этот враждебный мир, который так неумело пытался от меня избавиться.

В начале ноября, с первыми заморозками я вернулся домой. Меня доставили как посылку. Сопровождающий меня молодой лейтенантик весело отрапортовал родителям, что груз доставлен в целости и сохранности, и намекнул, что в честь возвращения героя можно закатить небольшую пирушку. Растрогавшийся отец, который не мог сдержать слёз при виде меня, пригласил лейтенанта к столу.

Мать долго растерянно стояла в коридоре, прежде чем подойти ко мне. Сначала она обнимала меня осторожно, словно кого-то чужого, но потом всё-таки зарыдала и прижалась к моему худенькому телу, восседавшему в дешёвой коляске, которая явилась последним подарком, привезённым мной из армии.

Я позвонил двум закадычным друзьям Жеке и Максу и пригласил их на торжество. Застолье больше напоминало поминки: мать постоянно рыдала, глаза отца тоже блестели под линзами очков; Жека и Макс молча пили и пилились на меня, словно видели в первый раз.

Напившийся лейтенант ещё больше нагнетал обстановку, рассказывая страшные кровавые истории, которых он наслушался и посмотрелся в госпитале, к которому был приписан. Смачно закусывая водку солёными груздями и жареной картошкой, он рассказывал про пулевые ранения, ампута-

ции, загноения, газовую гангрену, перитонит. Все его истории описывали длительные мучения пациента, и имели один конец.

– В общем ещё один двухсотый, – говорил он набитым ртом, обращаясь к отцу, – так что, папаша, Вам ещё повезло! Отец, которого не меньше всех остальных напрягали мрачные рассказы лейтенанта, пытался направить ход беседы в другое русло, но неугомонный офицер, раз за разом начинал новую кровавую байку.

Тем временем мы через стол переглядывались с друзьями. Наверное, они думали, как теперь вести себя со мной, а я думал о том, останется ли наша дружба такой же крепкой, какой была раньше.

Дружба сохранилась, как мне казалось на первый взгляд. Жека и Макс исправно навещали меня каждый день. Приносили пиво, новые видеокассеты и мы сидели и болтали, плясь в телик, точно так же, как это было раньше.

Но далеко не всё могло быть как раньше. Это я понял, когда друзья стали вытаскивать меня на улицу. Мы гуляли по привычным местам, нашему двору, скверу, за моим домом, школьной площадке. Они шли, а я катился рядом с ними на своей коляске, крутя руками велосипедные колёса.

Вроде всё было прекрасно, но один нюанс заставлял напрягаться всех троих. Вид человека в коляске привлекал обитателей улицы. К нам бесконечно подходили старые знакомые и все задавали один и тот же вопрос.

«Сашка, что случилось?»

На этот вопрос я отвечал одинаково:

«В армии получилось, на Кавказе. Долго рассказывать» —

Таким образом, я уклонялся от дополнительных вопросов.

Мои друзья, как и я, тяготились постоянным вниманием к моей персоне, тем более, что они на этих прогулках выглядели, как молодая пара, которая катает коляску с ребёнком. Теперь изменилась и вся концепция наших прогулок. Раньше мы вальяжно вышагивали по двору, чтобы показать себя пацанам, привлечь внимание девчонок, найти себе развлечений на вечер. Сейчас всё было в точности наоборот. Мы не хотели никого видеть. Я комплексовал из-за своего теперешнего состояния; они комплексовали от того, что находясь со мной, тоже становились как бы немного неполноценными. Ввиду этих причин мы практически перестали гулять вместе. Я делал это один рано утром и вечером, когда уже темнело. Тем более я уже научился самостоятельно спускаться на коляске по ступенькам и мог гулять один без посторонней помощи. Труднее всего, было забраться на крыльцо, на лестничный пролёт до лифта, или перескочить через бордюр. Молодость и жажда быть самостоятельным заставили меня изловчиться и применить все силы, изобретательность и сноровку, которые во мне были на тот момент.

Пандусов ни на крыльце, ни в подъезде не было, поэтому я придумал свой способ подъёма. Я подъезжал сбоку к высокому краю крыльца, слазил с коляски, закидывал её на

крыльцо, а потом, подтянувшись на руках, залазил сам. Затем, из положения полулёжа я открывал дверь в подъезд и заползал туда, волоча за собой коляску. В подъезде было проще, там были перила, уцепившись за которые, я словно обезьяна по лиане очень быстро забирался на пролёт, где был лифт. Сложность заключалась лишь в том, что приходилось тащить за собой эту чёртову коляску. Иногда, мне везло, и моё возвращение домой совпадало с возвращением кого-то из соседей мужчин. Они охотно помогали мне миновать многих трудностей подъёма. Честно говоря, я не очень любил, когда мне кто-то помогал, поэтому, в конце концов, стал высматривать, чтобы во время моего возвращения никого из соседей не было в поле зрения.

Со временем, Жека и Макс стали заходить ко мне всё реже. Еле заметный дискомфорт в наших отношениях, постепенно увеличивался. Наше общение с некоторыми пор перестало быть полноценным. Что могло быть между нами, кроме пустых разговоров за банкой пива. Даже в этих разговорах мы избегали основной темы, которая так трогала и объединяла нас раньше. Мы не могли разговаривать про девчонок, обсуждать своих новых знакомых, строить планы, делиться откровениями о сексуальных похождениях. Точнее, они – то могли и делали это поначалу с удовольствием, пока не заметили, что эта тема сильно меня напрягает. Конечно, они были полноценными молодыми пацанами в самом соку, а я несчастный инвалид у которого до армии было всего две

девчонки. ДВЕ! И на этом можно было ставить точку. После посиделок со мной, они бежали к своим пассиям, а я оставался один в своей коляске перед пустым столом.

Иногда скрытое напряжение между нами выливалось в откровенные перепалки. Так, во время очередной пьянки, Макс закулив, протянул мне пачку, забыв, что я завязал.

Да! Я, заядлый курильщик, бросил курить в один из самых тяжёлых периодов моей жизни. Это случилось в госпитале, когда у меня обнаружилась тяжёлая степень пневмонии. Во время болезни, я не мог курить априори, а после меня как отрезало. К сигаретам больше не тянуло, а начинать курить с чистого листа уже не хотелось.

– А ты чё, здоровье бережёшь? – улыбнулся пьяный Макс, когда я отклонил его руку с протянутой пачкой.

– А почему тебе кажется странным, что я берегу здоровье? – я направил на него обжигающий взгляд. На самом деле, я заводился очень редко, но в этот момент, почему то вспыхнул, как сухой порох.

– Да ладно, я так... проехали... – Поняв, что сморозил что-то не то, Макс сразу же пошёл на попятную.

– Нет, ты скажи, что удивительного в том, что я берегу своё здоровье? – продолжал закипать я.

– Да успокойся ты Сань, чё завёлся – то? Я просто...

– Ты просто хотел сказать на хрена оно тебе. Быстрее сдохнешь, меньше будешь мучиться, так что ли? – Я говорил громко, с ненавистью оттопыривая нижнюю губу.

– Да ничего я не хотел сказать... – Макс не мог выдержать моего взгляда и опустил глаза вниз.

– Нет, ты хотел сказать... ты хотел сказать, посмотри на меня. Я курю, бухаю, трахаю девчонок и при этом здоров как бык. А ты даже курить не можешь, за что ты цепляешься?

Макс уже давно замолк, понуро глядя на пустую банку из-под пива. Жека тоже сидел, молча, ошарашенный моим внезапным срывом. Но я уже не мог остановиться и один продолжал этот диалог.

– Да я берегу... берегу своё здоровье; берегу то, что у меня осталось. Я научился ценить то, что пока у меня есть, но знаю, что в любую минуту могут отнять. Я ценю свою жизнь, хоть она и кажется вам никчёмной. Надо будет, я и пить скоро завяжу! – Я распалялся всё сильнее, обрушивая свой гнев ещё и на Жеку, испуганно забившегося в угол.

– Какое право вы имеете на то, чтобы называть мою жизнь никчёмной? Вы, которые не видели ничего, кроме детского сада и этого двора? Только я в отличие от вас могу ценить то, что у меня есть...

И так далее, в таком же духе ещё минут пятнадцать. А может полчаса. Я даже не помню, как испарились из-за стола Жека и Макс, и в комнате появилась мать.

– Саш, ты чего так разошёлся? Может хватит уже так пить? Так ведь скоро у тебя друзей не останется.

– А у меня их и не было, – бурчал я, уронив голову на стол.

Через какое-то время визиты Жеки и Макса плавно сошли на нет, и я остался один. Так даже лучше, думал я. Надоело это лицемерие с моей и с их стороны. Я практически замкнулся в себе: смотрел телевизор, много читал, в одиночестве катался на коляске по сумеречному пустому двору.

С родителями я почти не контактировал, как и раньше. Мы просто обитали в одной квартире, но находились в разных мирах. У отца обнаружилась онкология, когда я был ещё в армии, и все заботы матери были сосредоточены на его лечении. По понятным причинам я ничем не мог помочь родителям, но, слава Богу, не висел на них дополнительной обузой, благодаря пособию по инвалидности. Этих денег мне вполне хватало на еду книги и пиво.

Фантомные боли постепенно сходили на нет, я постепенно свыкался со своим одиночеством и даже стал находить в нём свои прелести. Жизнь пошла по новому спокойному руслу. Время словно остановилось, застыло на одном месте. Я жил своей жизнью по одному распорядку. В одно и то же время просыпался и засыпал, в одно и то же время ел, смотрел телевизор, читал. Я не знал, что такое понедельник и пятницы, забыл, что такое, выходные и праздники. Я смирился со своим спокойным существованием, размеренным течением жизни, так что и не заметил, что прошло четыре года!

Четыре года, как один день. Из этих четырёх лет я не вспомню ни одного особенного дня. Единственное, что накопилось у меня за эти годы, это горы прочтённых книжек. Сотни, тысячи чужих историй интересных и скучных, романтических и циничных. Всё они переплетались, жили своей жизнью в моей голове, заслоняя собой серую действительность. Четыре года как четыре оборота огромного колеса, внутри которого монотонно крутятся ещё триста шестьдесят пять маленьких абсолютно одинаковых колёсиков. Такой жизнью можно жить очень долго, можно прожить так до конца, даже не подозревая, что можно по-другому. Вся эта другая активная, полная приключений, любви, интриг жизнь была в книгах, которые я читал запоем. Может быть я и мечтал о ней, но для человека в моём состоянии это было сродни мечтам о райских куцах, или о жизни на Марсе.

Однажды, зимним вечером я как обычно прогуливался в сквере возле дома. Зима выдалась снежной, и было не так много почищенных тропинок, по которым могла проехать моя коляска. С одной из таких узких тропинок меня стащило в сугроб. Я пытался крутить колёсами взад и вперёд, но мои усилия были тщетны. Был поздний вечер, вокруг не было ни души, и я рисковал замёрзнуть в двух шагах от своего подъезда. Почти завалившись на бок, нервно дёргая колёса и громко матерясь, я заметил, как сзади блеснул свет фар и протяжно свистнули тормоза. Где то рядом в снегу захрумали быстрые шаги, и чьи – то крепкие руки схватили меня

под мышки и вместе с коляской поставили на тропинку.

– Не падай, боец! – Вслед за звонким уверенным голо-
сом передо мной появился широко улыбающийся красноли-
ций человек лет сорока. На нём была утеплённая джинсовая
куртка и рыжая шапка с лисьим хвостом, болтающимся сза-
ди. От незнакомца крепко пахло свежевыпитым, несмотря
на то, что он был за рулём.

– Антон! – он стянул замшевую перчатку и протянул мне
руку с большой золотой печаткой на среднем пальце.

– Саша, – я ответил на рукопожатие и ощутил твёрдую
ладонь, крепко сжимающую мою руку.

– Как тебя угораздило? Где то участвовал? – спросил «ли-
сий хвост», кивая на мои культы в зашитых снизу спортив-
ных штанах.

– В горах, – я махнул рукой, показывая, что мне неприятен этот разговор.

– Да ладно ты не отмораживайся, я сам афганец, так, что
мы свои люди. – Антон хлопнул меня по плечу. – Чё один
бродишь, не скучно?

– Нет, я привык, – улыбнулся я в ответ на добродушную
улыбку Антона.

– Э... ты завязывай, привык. Жизнь ещё не закончена. Да-
вай к нам в ассоциацию. – Антон присел передо мной на кор-
точки, протянул пачку «Мальборо», а когда я отказался, за-
курил сам.

– Мы в «Строяке» по четвергам собираемся. Наше время

с шести до десяти вечера. У нас ребята с Чечни с Афгана, короче все, кто пороха нюхнул.

– И что Вы там делаете? – спросил я.

– За жизнь говорим, музыку слушаем, кино смотрим, выпиваем иногда, организационные вопросы решаем. Ты приходи, посмотришь, там тебя никто не съест. Всё веселее будет, новых друзей найдёшь, может и с работой подсобим.

– Я подумаю, – улыбнулся я.

– Чё тут думать, завтра четверг, вот и приходи. Тут ведь недалеко. Придёшь, а то я могу подвезти.

Мне нравились добродушие и напор этого весёлого человека, внезапно появившегося в ночи, и я пообещал, что приду. Не обращая внимание на мой активный протест, он доказал мою коляску до подъезда, помог подняться на крыльцо и, попрощавшись, побежал к машине. Я смотрел вслед болтающемуся рыжему хвосту и мысль о том, что я всё-таки не один согревала меня изнутри лучше любого алкоголя.

У крыльца дворца культуры «Строитель» в простонародье называемого «Строяком» не было пандуса. Я минут двадцать растерянно катался вдоль длинных ступеней, объезжал вокруг квадратную серую коробку дворца, соображая как преодолеть этот подъём. Наконец поняв, что задача для меня невыполнима, уже собирался возвращаться домой, но компания из трёх человек, заметив меня, притормозила у крыльца.

– Ты не в Ассоциацию, браток? – спросил один.

– Да, хотел... подняться не могу.

Парни дружно подхватили меня вместе с коляской, подняли на крыльцо, и, преодолев двойные массивные двери, затащили в фойе.

– Это с нами, новый член Ассоциации, сказал один, показывая небольшую карточку пожилой вахтёрше. Двое других парней предъявили ей такие же карточки.

– А его пропуск? – сказала женщина, нестрогая, а больше для соблюдения формальности.

– Антону скажем, он выпишет, – ответил за меня один из парней, самый приземистый из всей троицы, тот, который первым окликнул меня на улице. Они покатали мою коляску вдоль длинного пустого фойе.

– Спасибо мужики, дальше я сам, – сказал я своим слу-

чайным помощникам.

– Куда сам, – приземистый продолжал быстро катить коляску, держась за спинку. – Нам на второй этаж, там ещё два пролёта.

– Ты как о нас узнал? – расспрашивал он меня на ходу.

– Антон пригласил, – ответил я.

– Тяжело так одному ходить, ты бы попросил, что ли кого... А если бы нас не встретил, что тогда? – кряхтел приземистый вместе с друзьями поднимая меня по очередной лестнице.

– Да я уже привык один. Дома с крыльца и на крыльцо поднимаюсь, там один пролёт до лифта. Но там хотя бы перила есть, а здесь...

– Длинный вон тоже один приходит, тот как-то поднимается. – Сказал один из парней.

– Длинный другое дело, это десантура. – Сказал приземистый, а потом, как бы оправдываясь, чтобы сгладить неловкость улыбнулся, повернувшись ко мне.

– Ты же не десантура?

– Нет ответил я – улыбкой показывая, что меня это несколько не задевает.

– Ну вот, познакомишься с ним, он тебе покажет. Вы ещё на небоскрёбы с ним подниматься будете.

Я не совсем понимал, кто такой Длинный и зачем мне его навыки, тем более, что небоскребов, выше девятиэтажного дома в нашем городишке не было.

Тем временем мы заходили в большой прямоугольный холл, по размерам точно такой же, как на первом этаже. Здесь было шумно. По центру зала располагалось три бильярдных стола, вокруг которых ходили парни с киями, попеременно звонко щёлкая по шарам. Рядом со столами, а так же по периметру зала стояли скрепленные секциями по пять штук откидные стулья, на которых сидели парни, кто с дымящейся сигаретой, кто с банкой пива. кто-то громко комментировал игру, кто-то, склонившись к товарищу, рассказывал байку или анекдот. Некоторые парни просто стояли кучками, то тут, то там и тоже весело беседовали. Над залом стояло плотное облако дыма. В бильярд играли двое на двое, поэтому большое количество людей с киями походило на дружину с копьями. В зале было прохладно из-за открытых настежь окон, поэтому парни были как есть в расстёгнутых дублёнках и пуховиках, в заломленных на затылок меховых и вязанных шапках.

Сопровождающие меня парни влились в толпу, обходили всех, по очереди здороваясь и щедро обнимаясь.

– Это новый член Ассоциации – показал на меня приземистый. – Мы ещё и не познакомились, только добратся помогли.

– Саша, – я первым взял на себя инициативу, протянув руку приземистому.

– Киря, – ответил он, крепко пожав мою.

«Ванька... Миха... Димон... Стёпа... Олег...» – парни по

очереди подходили и здоровались со мной, кто просто пожимая руку, а кто отбивая пять и обнимаясь, как со старым знакомым. Потом от кого-то из них последовал вопрос, на который я так не любил отвечать.

– В Абхазии, миротворческий батальон. На «лягуху» на-
рвался. – На этот раз я вышел далеко за рамки своего стандартного ответа.

Парни качали, головами, кто-то делал скупые комментарии типа «Да, не повезло», а кто-то перебирал все случаи, связанные с подрывом на минах. «У нас точно так же Степаныча размотало...».

Когда первый интерес к моей персоне был удовлетворён, парни вернулись к своим занятиям, продолжили катать шары, болтать и пить пиво.

Кирия, который в этот день оказался моим ангелом – хранителем, не стал оставлять меня в растерянном одиночестве.

– Пойдём, я тебя к Антону провожу, – он покатил коляску вдоль столов, в дальний угол холла, где вдоль стены за длинными столами, установленными в ряд и накрытыми, красным кумачом, сидели и суетились люди. Кирия подкатил коляску к одному из столов, за которым сидел мой недавний знакомый.

– Тоха, принимай пополнение, сказал Кирия, первым поздоровавшись с Антоном.

– О, Санёк, молодец, что пришёл! Ну как тут тебе? – Лицо Антона, снова было красным и от него разило неизменным

перегаром. Серый пиджак со звёздочкой на левом лацкане был натянут поверх синего свитера с высоким горлом.

– Мы его чуть было не потеряли. Смотрим, возле крыльца стоит, подняться не может. Ладно мы с пацанами заходили как раз, – Киря хлопал меня по плечу, как драгоценную находку.

– А я и не подумал! – Антон хлопнул себя по лбу. – Я тебе свой телефон дам, лично встречу по звонку, или, если ровно к шести будешь подходить, тебя по любому кто-нибудь зацепит. Я тебя сейчас с парнями познакомлю! – Антон встал из-за стола и громко хлопнул в ладоши. – Пацаны, минуточку внимания! – сказал он зычным командным голосом.

Парни у бильярда обернулись; сидящие привстали со своих мест.

– В нашем полку прибыло! Новый боец, зовут Саша, прошу любить и жаловать!

«А мы уже познакомились» – послышалось из зала.

– А...ну и отлично! Кто ещё не знаком, подтягивайтесь сюда. – Антон снова сел, наклонившись, пошарил где – то зади себя и достал початую бутылку водки. – Давай, мы с тобой сейчас поближе познакомимся. Кирюха, присоединяйся. Два стакана притарань только.

После первой дозы выпитого стало веселей, и неловкость от присутствия в обществе незнакомых людей быстро пропала. Антон рассказывал про «Ассоциацию»: про то, как организовал общество пять лет назад, как выбивал место под

собрания в этом дворце, как организовывал сарафанное радио, чтобы собрать людей. Он гордо хвалился тем, что численность членов общества за эти годы выросла с десяти до двухсот человек. Из его речи я понял, что Ассоциация существует на взносы её членов.

– По две сотки в месяц деньги небольшие, а здесь и место тёплое для встреч, и праздники банкеты за наш счёт, – говорил Антон, прикуривая очередную сигарету. От выпитого его лицо приобрело цвет свежесваренного рака. – Тебе, как инвалиду полтос. Потянешь?

– Потяну, – согласился я, разомлев от нескольких рюмок водки, выпитых без закуски. Тем временем за стол присаживались новые парни, знакомились со мной, расспрашивали, где служил, говорили с Антоном о каких то текущих делах.

Наблюдая за приходящими и уходящими парнями, слушая их с Антоном разговоры, я никак не мог понять, чем же всё-таки занимается эта организация и какие преследует цели. Все разговоры сводились к тому, что кому то нужно помочь «Седой попал в больницу с язвой», «Саше Климову нужно оплатить адвоката», «Слава Палецкий просит помочь с поручительством на кредит». Все визитёры, чего – то просили у Антона, кто за других, кто за себя. Он никому не отказывал, но и решений никаких не принимал, занося все просьбы в толстый блокнот.

– На следующем совете обсудим – стандартно отвечал он, рассмотрев очередную просьбу.

– А вот и Длинный нарисовался, – широко улыбнулся Антон, увидев кого-то в зале. – С ним Вы точно общий язык найдёте.

Я повернулся, следя за взглядом Антона, и увидел человека, видимо только что появившегося в зале, но тут же вызвавшего здесь оживление. К нему подходили, обнимали, отбивали пять, уже издалека махали руками. Этот человек по всей видимости был здесь популярен.

Теперь я понял, почему Киря и Антон в разговоре со мной упоминали именно его. Он был такой же, как и я. Его ноги, как и мои заканчивались чуть ниже коленных чашечек, и он так же как и я приехал сюда на инвалидной коляске. Правда его коляска выглядела гораздо дороже моей. Её колёса были гораздо толще, спинка имела анатомическую форму, а подлокотники были отделаны мягкой кожей. Поздоровавшись со всеми в зале, он поехал в наш угол. Антон выскочил из-за стола и долго жал ему руку.

– Вот, познакомься – кивнул он в мою сторону, не отпуская руки колясочника. – Наш новый боец, Сашка зовут.

– Слава, – протянул мне руку колясочник, – а так зови Длинным. Я больше привык. – Его рукопожатие было коротким, жёстким и сухим.

Какое-то время, мы молча изучали друг друга, как два иностранца, которые встретились на чужбине. Он смотрел на меня, чуть наклонив голову и прищулив глаза. Еле заметная улыбка изгибала правый кончик его пухлых губ. Его глаза были вытянутые и раскосые, как у монгола, хотя внешность была вполне славянская. Тёмные нестриженные волосы до плеч, длинный прямой словно забрало шлема нос. Наверное, раньше его прозвище было вполне оправдано, судя по жилистым длинным рукам и вытянутым пальцам, но сейчас если бы он оказался в положении стоя, то вряд ли был бы выше самого мелкого из присутствующих здесь. Ну что ж, Длинный так Длинный.

— Длинный, ты ему расскажи, как ты сюда попадаешь... — сказал подошедший Киря, который был уже хорошо навеселе, — смотрим, катается вдоль крылечка, пороги обивает, а попасть не может.

— Значит так хотел попасть, — высокомерно, как мне показалось, ухмыльнулся Длинный.

— Попал, как видишь... — хмыкнул я в ответ на его выпад. Он, ухмыльнувшись, пожал плечами, и как будто потерял ко мне интерес, тут же заговорив с Кирей.

Весь остаток вечера я молчал и ловил себя на том, что

постоянно наблюдаю за Длинным. Это было что-то навроде, если ты на вечеринке постоянно стреляешь глазами в понравившуюся тебе девушку, сидящую напротив. Определённо, Длинный почти с первого взгляда вызвал у меня симпатию. Он был очень уверен в себе. Можно сказать даже так, что более уверенных в себе людей я до этого и не встречал. Он вёл себя, как знаменитый актёр, как президент, который чувствует, что всё внимание приковано только лишь к нему. Говорил неторопливо, делая большие паузы между фразами, зная, что в этот момент никто не перебьёт и даже напротив, усилится тишина напряжённого ожидания. Он рассказывал анекдоты, смешные истории из его армейской, жизни, сыпал библейскими и ещё какими-то мудрыми притчами. Он не начинал разговор сам, а цеплялся за чью-нибудь фразу, рассказ или спор. Когда он вступал в игру, тут уж ему не было равных, и с этого момента уже говорил только он. Со времени прибытия Длинного, вокруг стола Антона собралась большая компания. Парни подсаживались ближе, принося свои стулья, выставляя на стол банки с пивом, а кто-то притащил бутылку водки.

В какой-то момент Кирия и долговязый парень в тельняшке по имени Ваню затеяли спор о футболе. Судя по всему, Кирия болел за «Зенит», а его оппонент за «Спартак». Они обсуждали последние матчи, игроков, судейство, положения команд в турнирных таблицах, в общем те вещи, о которых я не имел представления, так как никогда не увлекался фут-

болом.

Спорщики, яростно перекрикивая друг друга, доказывали, что клуб, за который они болеют самый лучший и именно он выйдет в финал «Лиги чемпионов». Я наблюдал за Длинным, который переводил азартный взгляд с Кири на Ваню и обратно. Он неизменно улыбался, и по его лицу было заметно, что ему есть что сказать. Я не сразу заметил, что в левой руке он перебирает чёрные бусины чётка. В щёлках его узких глаз мерцал хищный взгляд кошки, которая наблюдает за вознёй двух мышат. Эта кошка вдоволь налюбуется последней игрой своих жертв, перед тем, как насадить их одного за другим на острый коготь, резким уверенным движением.

Мне не терпелось узнать, какие аргументы он готовит сейчас в своей голове. Наверняка уйдёт куда-нибудь в историю футбола, будет сыпать датами, количеством мячей, фамилиями игроков, точными цифрами статистики, которыми очень любят жонглировать такие вот всезнайки.

Спор уже подходил к концу, а Длинный так и не встал на сторону ни одного из оппонентов.

– Длинный, разбей – сказал Кирия, крепко ухватив ладонь Ваню, будто боялся что тот вырвет руку и убежит. – Если «Зенит» выйдет – с тебя упаковка «Баварии».

– Все слышали? – кричал Ваню, призывая как можно больше свидетелей. – Пацаны, через неделю Кирия всех нас угостит классным немецким пивом. Длинный разбивай!

Тут Длинный сделал то, чего я от него никак не мог ожидать. Он отвернулся от скрещенных в споре рук и пробурчал.

– Да ну вас...сами разбирайтесь. Меня эта лажа не интересует.

– Не понял! – Киря привстал, продолжая сжимать руку Вано. – Это ты футбол лажей называешь?

Длинный снова повернулся к спорщикам, и начал говорить, глядя на Кирю в упор.

– Это я не футбол лажей назвал. Весь Ваш бесконечный спор за футбол, это лажа. Я уже больше трёх лет вас знаю, а вы всё об одном и том же спорите. Вам самим – то не надоело?

Теперь все, кто даже не был занят в этом разговоре, отвлеклись от своих дел и стали прислушиваться. В зале повисла тишина.

– А чё начинается то? – лицо Вано быстро наливалось краской. Он выдернул свою жилистую руку из ладони Кири и агрессивно вытянул шею.

– Да, мы любим футбол, обсуждаем наши любимые команды. И чё здесь такого? За три года много чего поменялось, игроки все обновились, где здесь «одно и то же»?

Длинный отреагировал на агрессивный выпад спокойно. Он несколько не изменился в лице и отвечал негромко, медленно, делая большие паузы между фразами.

– Ты прав, Вано! За три года много чего изменилось. Президент у нас поменялся, телефоны появились с сенсорами и

камерами, китайцы человека в космос запустили. В этих Ваших клубах уже по два раза главные тренеры сменились. Основная масса игроков тоже поменялась. Только у Вас, парни, ничего не меняется. Вы, как испорченные патефоны из года в год крутите одну и ту же пластинку «Зенит чемпион!». – Последнюю фразу он пропищал, издевательски искривив губы.

Бомба взорвалась! Со всех сторон в Длинного полетели претензии, упрёки и даже ругательства. Почти все из присутствующих включились в эту полемику. Даже по лицам тех парней, которые молчали, я видел, что они не разделяют точки зрения Длинного.

– Ты футбол не трожь, я за него любого порву... – орал Ваню.

– Длинный, ты берега то не путай. Футбол это святое... – вторил ему Киря.

– Э...браток, тебя чё то не в ту степь понесло – более спокойно, но всё же с осуждением разводил руками Антон.

Все остальные смешки и злые выкрики в зале были обращены не к Длинному, а больше друг к другу.

«Совсем рамсы попутал...»

«Он наверное фигурное катание смотрит...»

«Да ну его, умника, вечно чё то из себя строит, уже до футбола добрался...».

Я понятное дело молчал. Первой причиной было то, что я был здесь человек новый. Во – вторых, я и сам принадле-

жал к тому меньшинству, которое равнодушно относилось к футболу. Я уставился на пальцы Длинного, неторопливо перебирающие чёрные бусины чётков и в этот момент в моей голове был лишь один вопрос:

Зачем он сейчас настроил против себя бóльшую часть своих товарищей. Он что не знал, что своим выпадом может их обидеть? Конечно же знал. Тогда зачем?

Я продолжал наблюдать за Длинным, который продолжал хранить молчание в ответ на всё больше распалывшихся соратников по клубу. Ответ пришёл сам собой:

Это представление! И разыграл его Длинный для одного единственного зрителя. Для меня.

Странно, я знал этого человека не больше часа, но уже чувствовал, что он будет делать дальше. Я был уверен, что ему есть, что ответить, но он не спешит отвечать. Он выжидает время, он смакует этот свой уже готовый ответ, он ждёт самого подходящего момента. Этим ответом, он, безусловно, должен обезоружить всех парней, находящихся в этом зале.

– Мужики, что с Вами? – Длинный наконец прервал молчание. Он недоуменно улыбался, по очереди глядя на парней, столпившихся вокруг. – Вы на меня набросились, как будто я матерей ваших оскорбил. Про какой футбол Вы мне здесь орёте? Я что, сказал хоть одно слово за футбол? Ваню, дружище, скажи мне, речь была о футболе? – он резко повернулся на коляске и теперь в упор смотрел на Ваню, который сразу же заметно растерялся.

– А про что мы говорили? Мы с Кирей спорили про футбол...

– Ваш спор был не за футбол! – Длинный вдруг повысил голос и выставил вперёд руку с чётками. – Ваш спор был за «Зенит» и «Спартак». Я лишь сказал, что это меня не интересует...

– Что это лажа... – поправил его Ваню.

– Да, я сказал, что это лажа! Но разве я сказал, что футбол это лажа? Ваню, ты слышал, чтобы я говорил, что футбол это лажа? – Длинный продолжал, не отрываясь сверлить взглядом Ваню.

– Нет, ты сказал...

– Про что был разговор, Ваню? – в голосе Длинного явно чувствовались металлические нотки. Он не стал дожидаться, пока оппонент что-то ответит и продолжил. – Разговор был про эти два клуба. Разговор был про Вас. Я сказал, что Вы застряли на одном месте, что Вы ведёте один и тот же спор. Вы спорите за два клуба, которые поочерёдно меняют друг друга в турнирных таблицах, в которых больше половины игроков составляют легионеры. Мужики, Вы как будто болеете за две отечественные машины. За шестёрку и девятку. У одной под капотом движок от «БМВ», а у другой от «Мэrsa», а вы продолжаете орать: «Шоха лучше, девятка круче». Я Вас просто хочу спросить, за что Вы болеете. За отечественный автопром? Так там половина запчастей импортных, а они всё равно ехать не могут.

Теперь Длинный по очереди смотрел на всех собравшихся, но парни молча отводили глаза. Им было нечего ответить. Решился только Антон, ему как командиру, нужно было отвечать за себя и за свой оплошавший отряд.

– Слава, ну ты же понимаешь, какими бы они не были, всё равно они наши, родные...

– А я что, против? Просто мне это не интересно. Мне не интересна эта возня, которую у нас зовут высшей лигой. Разговор был не про футбол и даже не про эти клубы. Двое спорили, я отказался разбить, сказав, что мне это неинтересно. За что Вы на меня накинулись всем гуртом?

– Ладно, извини, братишка, запара вышла! – Вано первым потянул Длинному руку. Тот враз изменился в лице и, добродушно улыбнувшись, встретил рукопожатие.

Прозвучало ещё несколько «Извини», и ещё несколько поверженных в споре пожали Длинному руку. Да, всё произошло точно так, как я и предполагал.

Потом выпили мировую, и обстановка заметно разрядилась. Парни снова разбрелись в разные стороны: кто-то вернулся к бильярду, кто-то остался за столом, некоторые снова сбились в привычные небольшие кучки, стоящие тут и там. В помещении воцарился привычный гвалт. Инцидент был исчерпан и тут же забыт.

Длинный заметно опьянел, много смеялся и, как ни в чём не бывало, общался со своими недавними соперниками по спору Кирей, Вано и Антоном. Я всё время находился в этой

компании, но в разговоры почти не вступал. Я вообще не любитель полить воду. А моя небольшая косноязычность не позволяла мне раскрепоститься в беседе полностью, тем более с незнакомыми людьми. Мне нужно было долго собираться, чтобы что-то сказать, я всё время боялся, что меня не будут слушать, или прервут. В результате, начиная рассказывать какую –нибудь историю, я часто сбивался и даже забывал, с чего начинал и куда иду. Поэтому я больше предпочитал молчать и наблюдать.

Я не вникал в смысл слов Длинного, который говорил без умолку, между глотками пива из банки, прикуриванием очередной сигареты, или залихватским закидыванием стопки. Я смотрел за его уверенной позой (в инвалидном кресле он смотрелся, как босс, восседающий на троне) и за его чёткими жестами. Каждая фраза находила отражение в движении его правой руки. Он словно дирижёр, плавными движениями пальцев, управлял ходом своей речи. В тот момент мне была не важна суть того, что он говорит, меня больше занимало то, как он это делает. Когда ты наблюдаешь за быстрым грациозным потоком горной реки, тебя завораживает сама красота этой бурлящей, облизывающей камни, пенящейся воды и тебя не интересует, откуда и куда она стремится.

Казалось, что он полностью поглощён беседой и совсем меня не замечает, но я постоянно ловил на себе его горящий взгляд.

В какой-то момент меня осенило. Я понял, что, несмотря

на всю его уверенность и общительность, он остаётся таким же одиноким, как и я. Мы с ним здесь словно инопланетяне. Он отличается от меня только тем, что знает язык людей, но каким бы приятным не было общение, после этого вечера нам нужно возвращаться на свою планету. Земляне останутся здесь. Они молодые и здоровые. кто-то пойдёт к жене, кто-то к любовнице, кто-то будет искать новую подружку в ночном клубе. У кого-то назначена встреча с партнёром по бизнесу, а кому-то завтра рано вставать на работу.

Все эти проблемы могут касаться только землян, но не нас, людей с другой планеты, поэтому, в конце вечера мы с Длинным оказались вдвоём бок о бок катящимися по широкому мраморному холлу.

– А ты правда по лестнице не умеешь подниматься? – спросил Длинный, повернувшись ко мне.

– Смотря по какой, – пожал я плечами. – Дома из подъезда и в подъезд сам. Но там я приловчился, да и за перила цепляюсь в подъезде. А тут это крыльцо и ничего больше...

– В следующий раз я тебя научу, – говорил Длинный осторожно, но быстро скатывая коляску со ступенек.

– Владеешь секретной техникой? – шутил я, пытаюсь успеть за Длинным.

– Владею... – он уже встречал меня внизу в пролёте, развернув коляску ко мне. – Не такая уж она секретная и сложная. Странно, что ты ей ещё не владеешь. Но рано или поздно тебе всё равно придётся её освоить. Без этого нам никуда.

Спуск с обледеневшей лестницы крыльца дался мне тяжелее всего. Длинному пришлось долго дожидаться меня внизу. Как только я спустился, он спросил:

– Санька, а ты где живёшь?

Я показал на свою девятиэтажку, которая серой коробкой возвышалась вдалеке.

– А я здесь на КПД живу, тут недалеко от «Строяка». – Длинный махнул рукой в кожаной перчатке, указывая направление. – Если есть желание, можем завтра встретиться. Поболтаем, сходим куда-нибудь ...за одно научишься на лестницы взлетать.

Я с радостью согласился. Давно уже мне никто не предлагал, куда-нибудь сходить. Это было что-то из той, забытой жизни.

Встретиться договорились там же, возле крыльца «Стройка» в двенадцать часов.

Длинный опоздал на десять минут. Мне пришлось ждать его, ёжась от колючего ветра, который пронизывал меня насквозь. Замерзая, крутя головой, гадая, с какой стороны появится Длинный, я поймал себя на мысли, что давно уже так никого не ждал. Последний раз это было ещё в той жизни, когда я ещё ходил на свидания. Девчонки часто опаздывали, когда знали, что ты на них залип и никуда не денешься.

Тот, кого ожидают, всегда представляет наибольшую ценность, нежели ждущий. Тот, кто может позволить себе опаздывать на встречу на десять и более минут, уверен, что его будут ждать. Ждущий будет нервничать, ругаться про себя, возможно даже проклинять, но при этом будет продолжать ждать. Он будет ждать пятнадцать минут, час, два часа; он будет ждать, пока не стемнеет; пока на улице не останется ни одного прохожего, пока не перестанут ходить автобусы. Чем дольше он ждёт, тем больше ему хочется, чтобы объект его ожидания наконец-то появился на горизонте.

Радость от того, что Длинный всё таки появился, затмила во мне поднимающуюся волну негодования. Я улыбнулся, когда увидел его на другой стороне улицы, подкатывающегося на своей коляске к пешеходному переходу. Сначала он пока-

зался мне совсем не таким как вчера. Гораздо более неуверенным и одиноким. Он катился по переходу с сосредоточенно серьёзным лицом, а вокруг него, словно река обтекающая мёртвый валун шли, куда-то спешащие люди. Был самый час пик, разгар рабочего дня. кто-то шёл на обед, кто-то спешил на работу, на встречу с партнёром, на вторую пару, на смену, на вахту, на торжественный приём. Пешеходы спешили, нервничали, сбивались в кучу, огибая неожиданное препятствие, представляющее собой калеку, который не спеша катился по зебре в своей коляске. Водители, надолго застрявшие на переходе, ясно по чьей вине с трудом сдерживались, чтобы не надавить на сигнал, придав ускорение этому колясочнику, которому понятно некуда спешить, так он ещё других держит.

И всё-таки Длинный оставался тем Длинным, которого я узнал вчера. Даже там, на переходе среди снующих людей, он продолжал оставаться невозмутимо спокойным. Он был весь в себе, он гнул свою линию, и ему было наплевать, что о нём скажут, или подумают другие. Он ехал гораздо медленнее, чем мог, тем самым создавая собой препятствие, обращая на себя внимание. Весь его вид говорил : «Даже не пытайтесь делать вид, что меня здесь нет, и Вы меня не замечаете. Я заставлю Вас меня увидеть».

Подкатившись ко мне, он небрежно протянул руку прямо в перчатке.

– Да не снимай, давай по – зимнему... – упредил он мой

попыав снять свою перчатку. – Ну чё, куда рванём? – Он снова испытывающее заглядывал мне в глаза, словно учитель, задающий школьнику вопрос на засыпку.

Я пожал плечами, растерянн улыбаясь. В самом деле, я не мог представить, куда могут «рвануть» два колясочника.

– Может выпьем, а то у меня после вчерашнего башка трещит, – сказал он, не дождавшись от меня вразумительных предложений.

– Так вроде рано ещё, – робко улыбнулся я.

– А тебе что на работу нужно, или за руль? У тебя какой-то особый распорядок? – сверлил меня глазами новый знакомый.

– Да нет...ну ладно, пойдём... – я растерянн крутил головой не в силах выдержать его изучающий взгляд.

– Хм...странный ты, – бросил Длинный, и, развернувшись, поехал вперёд вдоль улицы, давая понять, что я должен следовать за ним. Он ехал быстро, ловко объезжая серые глыбы наколотого льда, так что мне с трудом удавалось за ним поспевать.

На светофоре, когда моей коляске удалось сравняться с его, я повернулся к нему и спросил:

– Почему странный?

– Так просто...сначала ты почему то решил, что ещё рано для выпивки, а когда я тебе сказал то, что ты и без меня прекрасно знал, вдруг согласился.

– А ты, я смотрю, любишь цепляться к словам, – бросил

я с раздражением, куда то в сторону от Длинного.

«Тоже мне, умник нашёлся. Ещё одного наставника не хватало, который будет меня жизни учить». – Мне вдруг захотелось развернуться и поехать прочь.

– Ещё как люблю!

Этот ответ заставил меня повернуться к Длинному, и я увидел его простодушно улыбающееся лицо. Его пухлые губы растянулись в стороны, обнажая верхний ряд крупных зубов, а глаза сузились в маленькие щёлочки. Его улыбка была поистине доброй и заразной, и я не мог не улыбнуться в ответ.

– Я ко всему люблю цепляться: к словам, к поступкам и даже к внешнему виду, – продолжал он, так же улыбаясь. – Так что извини, браток, такая уж у меня натура.

Я промолчал, ещё раз улыбнувшись, мол «извинения приняты».

Про себя я вдруг отметил, что, наверное, в первый раз так мгновенно меняю гнев на милость. Обычно, чтобы снять моё раздражение по поводу чего – то требовались часы, а тут... или это всё-таки заслуга нового знакомого?

Мы и не заметили, что за этим разговором пропустили свой светофор и теперь остались одни на перекрёстке. Снова дождавшись зелёного, мы продолжили путь теперь уже бок о бок.

Как правило, всевозможные бары и закусочные располагаются на цокольных этажах помещений. Но Длинный, слов-

но нарочно выбрал заведение, войти в которое можно было, только преодолев высокое крыльцо с неудобными короткими и крутыми ступенями.

– В «Пирожковую»? – удивлённо спросил я, глядя на выцветшую, ещё с советских времён вывеску.

– А что, приличная забегаловка. Тебя здесь что-то смущает? – Длинный наверняка понимал, что во всём этом меня смущает только два обстоятельства – крыльцо и отсутствие перил.

– Да нет, всё нормально, пошли, – я сделал короткий жест, указывая Длинному направление в сторону крыльца. Мне сильно захотелось посмотреть, что он будет делать. Как преодолест этот подъём самоуверенный безногий десантник.

Длинный зачем то стал оглядываться по сторонам, но в этот момент взвизгнула пружина, придерживающая дверь, и из бара вышли три красномордых мужика. Они о чём-то весело спорили и их расстёгнутые пуховики говорили о том, что они крепко повысили температуру, так что холод им теперь не страшен. Когда мужики были ещё на половине крыльца, Длинный прокричал, словно встречая старых знакомых.

– О, пацаны, вы как раз во время. Подсобите-ка взлететь, а то нам с братишкой похмелиться нужно.

– Какой базар... – мужики со скоростью урагана, одного за другим вознесли нас на крыльцо и даже придерживали двери, чтобы мы смогли заехать в бар.

– Спасибо мужики! – Отблагодарив неожиданных помощников, Длинный уверенно покатился в бар. Я последовал за ним.

В прокуренном помещении больше пахло перегаром, чем самим пивом. На сером бетонном полу в два ряда располагались высокие круглые стойки, большая часть из которых была занята стоящими вокруг любителями дневного аперитива. Проплывая мимо высоких столиков, ловя на себе взгляды пьяных мужиков, я думал, что здесь нет места не только инвалидам, вроде нас, но даже коротышкам. Длинный направился в конец зала, где располагалась барная стойка.

– О, Славик пришёл, – улыбнулся восседающий за стойкой круглолицый мужичок в белом фартуке и колпаке. – Тебе как обычно? Ты ещё с другом...

– Да, дядя Паша, тащи мой столик, – сказал Длинный, поприветствовав бармена крепким рукопожатием.

Мужичок быстро вытащил из подсобки небольшой пластмассовый столик и поставил его по другую сторону стойки.

– Нам по пивку, дядь Саш, и фисташек... – распорядился Длинный и махнул мне рукой, приглашая к столу.

– Я смотрю, у тебя везде связи, – улыбался я, продолжая оглядывать пивную и толпящихся за стойками посетителей.

– Сейчас без этого никуда! Нам с тобой тем более... – серьёзно отреагировал на мою шутку Длинный, кивнув дяде Паше, который поставил перед нами две огромные кружки с пенистым янтарного цвета пивом.

Пиво оказалось вкусным, и после двух больших глотков я сразу повеселел. Длинный довольно улыбался, смакуя пиво, над его губами образовались белые усыки из пены.

– Так вот значит, какой у тебя метод подыматься по лестницам? А я то думал, ты мне чудеса эквилибристики продемонстрируешь. – Я ехидно улыбался, чувствуя внизу живота тёплый прилив хмеля.

– Да, это мой метод, а разве он плох? – Длинный улыбнулся мне в ответ.

– Слишком уж он прост...

– А ты ищешь сложных путей? – удивился Длинный. Он закурил, положив на стол пачку «Мальборо».

– Просто я...я хочу... – я, как это часто бывало не мог сформулировать мысль и жевал слова. Я взял фисташку и крутил её между пальцами. – Как тебе сказать... я стремлюсь к тому, чтобы делать всё самому, без чьей либо помощи.

– Почему? – улыбка на лице Длинного сменилась недоумением.

– Мне кажется так правильнее. Не хочется быть для кого-то обузой...

Длинный вдруг наклонился ко мне через стол.

– Сашка, что ты несёшь? – он смотрел на меня в упор и в этот раз в его глазах сверкнул агрессивный огонёк. – Этот путь тупиковый. Он приведёт тебя в никуда.

– Зато он правильный...

– В чём?! В чём его правильность? Ты что, пытаешься

облегчить кому-то жизнь? Ты как будто стесняешься, тебе стыдно за то, что ты есть на свете. Да я уверен, не будь ты сейчас инвалидом, ты вёл бы себя точно так же. «Не просить, не выставляться, не выпендриваться» – вот все твои принципы. Знаешь что, да ты просто закомплексованный человек. И твои комплексы не отсюда – Длинный сделал жест, указывающий туда, где должны были быть мои ноги. – Они вот отсюда – он едва не прикоснулся пальцем к моему лбу.

В этот момент я не знал, что ему ответить, ведь всё, что он говорил, было сущей правдой, которую я боялся сказать себе сам.

Длинный в несколько больших глотков осушил свою кружку и повернулся к бармену.

– Дядь Паш, принеси нам ещё по одной.

Когда бармен поставил перед нами две полные кружки, Длинный виновато улыбаясь, взял его за руку.

– Только я щас на мели...

– Да какие вопросы, Славка, отдашь, когда сможешь, – махнул рукой добродушный мужичок, и его пышные усы приподнялись от улыбки.

Когда бармен отошёл от стола, Длинный сделал открытый жест двумя руками и ухмыльнулся, «вот, мол, как-то так».

– У меня есть с собой деньги, ты чё не спросил? – сказал я тихо, чтобы не услышал бармен.

– У меня тоже есть, – улыбался Длинный, видя насколько поразил меня его ответ.

– Тогда зачем... – во мне снова закипало возмущение, грозящее вылиться в фразу: «Мы что, нищие? Побираемся?».

– Да отдам я в следующий раз. Чё ты так напрягся? Просто хотел человеку приятно сделать...

– Приятно?!

– А ты как думал? – Длинный откинулся на своём кресле, и я увидел, как он снова перебирает между пальцами чёрные бусины чётков. – Человек так устроен. Ему нравится помогать другим, нравится ощущать себя полезным кому-то. В конце концов, это ощущение превосходства, над тем, кому ты помогаешь. Прося о чём-то человека, на самом деле ты делаешь ему одолжение. Ты приносишь ему удовольствие. Даже в библии сказано: «Просите и дано Вам будет...».

– Так ты прямо благодетель? – попытался я перевернуть в шутку этот монолог нового товарища.

Длинный не ответил на мою улыбку, теперь он был серьёзен, как учитель, дошедший до главной части своего урока.

– Можно сказать и так, – он глотнул пива, отчего снова обзавёлся симпатичными белыми усиками над верхней губой. – Я люблю делать людям хорошо и приношу им удовольствие в силу своих возможностей. А ты, я смотрю, скупой человек.

– Почему? – я почувствовал, что на моём лице сейчас виноватая улыбка.

– Потому что отказывая людям в просьбе, ты лишаешь их

того удовольствия, которое мог бы им доставить.

— Да ну тебя... у меня сейчас мозг взорвётся. Ты всё с ног на голову перевернул. — я отпил пива и отодвинул кружку в сторону. — Чё — то когда я кого — нибудь о чём-то прошу, чаще всего вижу недовольные лица.

— Значит не умеешь просить... — Длинный прикурил сигарету и небрежно бросил зажигалку на стол.

— Что значит, не умею? Нужен какой-то талант? — сказал я с сарказмом.

— Это же просто, как дважды два... Если ты просишь и тебе отказывают, значит просто не правильно просишь. Не умеешь просить. Что здесь непонятного?

— Да всё здесь непонятно! — я махнул рукой в ответ на слова Длинного, словно он несёт полную чушь.

Тот зачем-то покатился к ближайшей стойке, где весёлая троица шумно распивала водку под абажуром накрывшего их табачного дыма.

Он о чём-то негромко разговаривал с ними, так что я не мог расслышать. Я только видел извивающуюся на тонкой длинной шее его небольшую голову в кожаной кепке и лица мужиков, которые заулыбались и закивали головами в ответ на его слова. Один из них засуетился, производя, какие-то манипуляции на столе, а потом сунул что-то в руку Длинному. Когда тот развернулся и поехал в мою сторону, я увидел в его руке пластиковый стаканчик.

— Ну вот, — Длинный поставил стаканчик на стол. — А то

пиво без водки – деньги на ветер. Извини, тебе просить не стал. Надо будет, сам попросишь.

– Да мне и не надо, а если понадобится, могу и купить.

– Твоя гордость тебя погубит, – Длинный выпил из стаканчика залпом и долго морщился, пытаясь расколупать фиштакшу, потом отбросил её в сторону и сделал несколько глотков пива. – Думаешь, мне так этой палёнки захотелось – прохрипел он, продолжая морщиться.

– Я уже не знаю, что и думать... – пожал я плечами.

– Я просто привёл тебе наглядный пример. Как ты думаешь, насколько ценят мужики этот напиток?

– Думаю, что очень высоко... – ответил я.

– Очень! Тем не менее, они с радостью поделились со мной своим пойлом. Как думаешь, почему?

Теперь Длинный говорил жарко, душевно, наклонясь ко мне через стол. Видимо доза крепкого алкоголя возымела на него своё действие. Он не стал дожидаться моего ответа и продолжил.

– Потому что я дал им шанс; предоставил им возможность ощутить себя великодушными. Благодаря мне они чувствуют, что кому-то могут помочь, кому то ещё нужны здесь. Благодаря мне они хоть на минуточку стали увереннее, повысили свою самооценку. Да они получили больше кайфа, чем от этих ста грамм.

Я невольно посмотрел на мужиков, пытаясь найти подтверждение словам Длинного, но по ним не особо было за-

метно, что они находятся на вершине эйфории. Один из них как раз разливал водку. Видимо энергии, которой дал им Длинный не хватало для полного кайфа. Я улыбнулся, но Длинный продолжал развивать свою теорию.

– Поверь мне, Санька, люди хотят быть кому то нужными, они нуждаются в том, чтобы у них просили о чём то и готовы выполнять эти просьбы. Главное уметь правильно просить, и это тоже наука. Просто нужно один раз это понять и всё твоё мироощущение изменится.

Длинный впивался в меня взглядом. Я чувствовал, как эти серо – зелёные глаза сверлят во мне отверстия, пробираются в черепную коробку и копошатся в мозгах. Не выдержав его пристального взгляда, я перевёл глаза на кружку с пивом.

– Слава, я тебя слушаю, и мне кажется, что передо мной какой-то психолог, или философ, я не знаю... – я снова вскинул глаза с кружки на Длинного, лицо которого снова размякло в улыбке.

– Ты меня ещё под травкой не слышал. В армии пацаны со мной курить боялись. Я им так мозги прополаскивал, что они от меня на четвереньках уползали. Да чё там пацаны... Я иногда сам себя боюсь. Бывает так загонишься, что страшно становится. – Всё это он говорил уже смеясь. Я тоже засмеялся, мы подняли кружки с остатками пива и звонко чокнулись.

– Ну ты мне расскажешь, как просить так, чтобы тебе не отказывали? – спросил я улыбаясь.

– Зачем рассказывать, я тебя научу, покажу на практике. Только делать будешь всё сам, иначе не научишься. Договорились?

– Ну не знаю... попробую... – я пожал плечами.

Длинный вдруг опять стал серьёзным.

– Чего ты не знаешь? Санька, чё ты ведёшь себя как девчонка. Стесняешься чего то, даже вон... в глаза не можешь смотреть. Подумай, после того, что ты пережил и что сейчас собой представляешь, есть ли на этом свете вещи, которых тебе стоит бояться?

От этих его слов я вдруг ощутил толчок. Там, внутри меня, что-то сдвинулось, и я это ясно почувствовал. Какая – то мощная волна словно приподнимала моё тело над креслом, а в горле, почему то появился комок.

– Да, Слава, наверное ты прав! – сказал я, проглотив комок. – Раньше я думал, что человек прошедший войну, или переживший какую – то жуткую историю не должен бояться ничего, по крайней мере, в каких – то бытовых ситуациях. На самом деле страхов стало ещё больше. Ты прав это комплексы. Я... – новый комок в горле не давал мне говорить и я выдержал долгую паузу, сделав несколько глубоких вдохов, чтобы преодолеть накатившую вдруг волну. – Я чувствую себя неполноценным, ненужным. Как мусор, который только портит окружающий вид и мешает под ногами...

Длинный наклонился ко мне и взял меня за руку. Его ладонь, лежащая на моём запястье, была горячей, и я почув-

ствовал, как это тепло растекается по всему телу.

– Смотри мне в глаза, – он чуть сжал мою руку, и я поднял взгляд, в котором всё расплывалось от накативших слёз.

На этот раз он смотрел на меня в упор, и я не мог выдержать и секунды этого взгляда, постоянно отводя глаза в сторону. Меня словно било током прямо в голову, так что я начал слегка трястись.

– Ты не мусор, брат! Запомни, ты не мусор! – Его пальцы всё сильнее сжимали моё запястье. – То, что ты думаешь о себе, не есть ты. Твои мысли – это мусор. От них тебе нужно избавиться. Это как фантомные боли. У тебя болит то, чего давно нет, а может быть, и не было никогда. Ты не мусор, и я тебе это докажу. – Его глаза снова, словно крючками притянули мой взгляд, и теперь я смотрел прямо в его огромные чёрные зрачки.

– Я покажу тебе, как снова почувствовать себя человеком, лишь бы ты сам этого хотел. Ты этого хочешь?

Я видел только эти чёрные зрачки и его голос, звучал прямо у меня в голове.

– Да – ответил я.

– Ну тогда поехали! – он убрал свою руку и я снова оказался в прежнем мире, как будто пробудился от глубокого сна. Я нашёл себя всё в той же прокуренной пивнушке, наполненной дымом, матом и звоном бокалов. Передо мной сидел всё тот же Длинный, который весело улыбался.

– Куда? – спросил я.

– Погуляем, по городу пошаримся, или ты весь день собрался здесь сидеть?

– А... ну поехали! – обрадовался я, чувствуя прилив новых сил.

Длинный попрощался с дядей Пашей и уверенно направил колёса своей коляски к выходу. Я радостно покатился за ним, огибая стойки и пьяных мужиков. Я чувствовал себя участником какого-то формирования, группы, отряда, может быть банды, предводитель которой ехал впереди.

– Договорись с кем-нибудь, чтобы нас с крыльца сбросили, – не оборачиваясь, отдал приказ новый командир.

Я остановился и стал приглядываться к мужикам за стойками, выбирая наиболее подходящих. Один забулдыжка за крайней стойкой сам нуждался в чьей то помощи, двое других рядом были слишком молодые, в спортивных костюмах, больше походящие на наркоманов. Ещё одна увлечённая пьяным разговором четвёрка была слишком уж возрастная. Наилучшим вариантом оставались те мужики, у которых Длинный взял водку, и я уже собирался ехать к ним.

Дверь отворилась, и в бар один за другим вошли три человека. Все трое мордастые, пузатые, все как один важные и с недовольными лицами. Они прошли мимо Длинного, даже не обратив на него внимания.

«Эти точно не вариант» – подумал было я, но Длинный обернувшись подмигнул мне и сделал знак, кивнув головой в их сторону.

Настал момент истины. Мужики двигались в мою сторо-

ну, а Длинный наблюдал, как я справлюсь с заданием. Один мордovorот с кожаной барсеткой под мышкой уже прошёл мимо, не удостоив меня даже взглядом, и я развернул коляску, перекрыв часть пути двум другим.

– Мужики, Вы нам не поможете? – мой голос прозвучал слишком жалостливо, словно ребёнок о чём-то спрашивал взрослого дядьку. Дядька удостоил меня высокомерным взглядом маленьких глазок, теряющихся на большом щекастом лице.

– Слыш, друг, вообще нет ничего. Нам самим только на пиво... – он продолжил свой путь, обогнув мою коляску.

– Нет, я хотел попросить... – Но он даже не повернулся. Третий, увидев неожиданное препятствие и осознав возможные проблемы, сразу же прибавил ходу и проскочил меня на полной скорости.

– Эй братва! – звонкий голос Длинного заставил обернуться всех троих. – Мужики, если Вам не западло, спустите нас с крыльца – громко сказал он, прижав руку к груди.

Мужики резко изменились в лицах и словно опомнившись, направились к нам.

– Какой разговор...

– Базара нет...

– Так бы сразу и сказали...

Они говорили наперебой, открывая двери и стаскивая наши коляски с крыльца.

– Как ты это делаешь? – спросил я Длинного, когда мы снова остались вдвоём на заснеженном тротуаре.

– Ну теперь – то ты понял, что просто не умеешь просить? – улыбался Длинный.

– Да, но в чём фишка?

– Главное, что ты понял, это уже полдела. Дальше только практика и немного теории. Ну что, куда теперь рванём?

Я пожал плечами, в очередной раз, отдавая право выбора новому товарищу.

– Может в центр поедем? Ты давно там был? – спросил Длинный, натягивая перчатки, и наглухо застёгивая пуховик.

Раньше этот вопрос показался бы мне смешным, но в тот момент я испытал небольшое потрясение.

Давно ли я не был в центре? Как давно я не был в центре? Да ни разу! В этой жизни ни разу. В этой жизни я не бывал ни в центре, ни в других районах кроме своего. Самые длинные путешествия, которые я совершал за последние четыре года, были кругосветки вокруг двора и моей девятиэтажки. Теперь мне незачем и не с кем было ездить в центр, или в любой другой район. Там меня никто не ждал.

– Давно, – коротко ответил я. По ухмылке Длинного было заметно, что он понял причину моего замешательства.

– Там сейчас всё по-другому: бульвар новый построили, колесо обозрения, карусели разные. ЦУМ вообще не узнаешь. Там столько новых магазинов открылось и кинотеатр

большой. В кино хочешь сходить?

— На счёт каруселей в такую погоду не знаю, а вот в кино можно... — улыбнулся я. — А на чём добираться будем?

— На тачке, на чём же ещё...

Я снова с сомнением отнёсся к предложению Длинного. Какому таксисту нужно тащить двух колясочников. Это ж нужно помочь им сесть в салон, сложить коляски и положить их в багажник, а по приезду проделать эту же работу в обратном порядке. Я уже сталкивался с этой проблемой, когда было нужно ехать на осмотр в больницу. Таксисты и частные извозчики не то что бы явно отказывались везти инвалида, они просто не останавливались. Приходилось загодя заказывать машину по телефону, предупреждая с какой проблемой столкнётся водитель, и платить по высокому тарифу. Но, не смотря на все мои сомнения, что-то мне снова подсказывало, что Длинный способен решить эту проблему.

Он устремился вперёд вдоль дороги, и я с радостным возбуждением последовал за своим командиром. Мы проехали около двухсот метров до небольшой площади, рядом с которой возвышалось громадное серое здание гостиницы «Космос». Здесь сбоку от длинного крыльца гостиницы стояло около десятка машин. Скорее всего, это были частники, которые предпочитали не кружить по городу в поисках пассажиров, вхолостую сжигая бензин, а тихо и мирно стоять, дожидаясь дорогих клиентов у гостиницы. Длинный чуть сбавил ход, давая мне возможность поравняться с ним. Не оста-

навливаясь, продолжая двигаться к веренице машин, он повернулся ко мне и начал инструктировать.

– Смотри, Сашка! Наша задача попасть из точки «А» в точку «Б». Деньги у нас есть, вот машины, которые могут нас довезти. Вся сложность только в том, что мы не совсем обычные пассажиры...

– Да и таксисты здесь не обычные... – перебил я Длинного.

– Да, контингент довольно не простой. Они лишний раз пальцем о палец не ударят, а тут надо еще с нами возиться. Но в этом весь интерес и сложность задачи. Нужно просто сделать так, чтобы они согласились нас подвезти. Справишься?

– Не зн... постараюсь! – быстро поправился я, уже уяснив, что Длинный ненавидит выражение «Не знаю».

– Ну, тогда выбирай любого и вперёд. Я пока здесь буду. – Длинный остановился ближе к хвосту вереницы машин.

Я медленно неуверенно стал продвигаться, высматривая наиболее подходящую машину. Через минуту поняв, что бесполезно выбирать подходящий вариант между «Девятками», «Волгами» и «Шестёрками», я решил положиться на интуицию, которая подсказывала мне, что удача может улыбнуться из-за двери кремового цвета старой «Волги». Я поехал прямо к ней, на ходу соображая, что буду говорить. А чё тут думать, нужно говорить как есть. Придав себе уверенности, я нажал на кнопку никелированной ручки и от-

крыл дверь. В лицо мне ударила тёплая волна, пахнувшая свежей хвоей. Водитель, лежащий на откинutom сидении, резко приподнялся, испуганный внезапным вторжением. Я увидел недовольное заспанное лицо мужичка средних лет. Красные глаза, под хмуро нависшими бровями, долго изучали меня, и было заметно, что их хозяин спросонья никак не может сообразить кто, или что перед ним находится.

– Здравствуйте! Нам с другом нужно до ЦУМа доехать. Подбросите? Деньги есть. – Я показал свёрнутые в трубочку бумажные купюры в доказательство своих слов.

Мужик наконец-то понял, кто перед ним, и теперь кричал и переводил глаза с меня на лобовое стекло, соображая, что ответить. Я сразу же понял, что он хочет отказать, но не знает, как сделать это помягче.

– Да я б с удовольствием, дружище... только сейчас клиента жду. Вот – вот выйти должен, мне его в микрорайон надо везти. Так что, ты уж извини...

Я кисло улыбнулся и собирался уже закрыть дверь, как вдруг увидел, что к машине со всей прыти приближается Длинный. Он оттеснил меня от двери и сам просунул голову в салон.

– Братан, ну чё тебе стоит пятнадцать минут туда – сюда скататься. Помоги, будь человеком. Кроме тебя некому, веришь нет? Нам срочно надо...

из-за двери я не мог видеть лиц Длинного и таксиста, но явно чувствовал, как первый своим напором и темперамен-

том пробил брешь в неуверенной позиции второго.

– Да мне что жалко думаешь? Я просто клиента ждал... Ладно, пацаны, давайте только по быстрому. – услышал я ответ таксиста.

– Конечно быстро...какой базар? Ты нам подсоби чутка...

В очередной раз, Длинный явил мне чудо. Таксист стремительно преобразался в моих глазах. Из заспанного, недовольного брюзги он превратился в добродушного парня, который активно суетясь, помогал нам пересест с колясок в машину, а потом аккуратно складывал их, консультируясь у Длинного, как сделать правильно, чтобы не сломать. По дороге он рассказывал, что сам едва не попал в Афган и про своего лучшего друга, который вернулся оттуда, но словил пулю здесь, буквально год назад. Возле ЦУМа он помог нам выгрузиться и долго жал руки.

– Вы не отчаивайтесь, парни...Главное, что живы остались.

Когда он, попрощавшись, направился к машине, я окликнул его.

– Деньги то...мы же не расплатились, – я достал из кармана смятую трубочку.

Он махнул рукой, и в его блестящих глазах я увидел, что сейчас деньги отошли на второй план. Сейчас он получил нечто большее. Он помог, сделал доброе дело, благодаря которому сегодня ночью ляжет в постель с приятным согревающим душу чувством. В этот момент я стал понимать, о чём

говорил мне Длинный там в баре.

ЦУМ был уже совсем не тем, каким я его помнил в той жизни. Он стал совершенно новым. На центральной лестнице появились пандусы, благодаря которым мы попали вовнутрь, преодолев огромные стеклянные двери, которые вращались, вызывая во мне ассоциации с гигантской мясорубкой. В глянцевых полах огромных проходов всё отражалось словно в зеркале. По бокам проходов тянулись стеклянные витрины многочисленных магазинов. Вместо лестницы этажи соединял тихо урчащий новенький эскалатор. Это было неузнаваемое преобразование. Я не мог понять, как всё это могло возникнуть на месте грязно – серого унылого помещения с пустыми прилавками и вечно недовольными продавцами. Жизнь изменилась. Она засияла новыми красками, она набирала обороты как сверкающая рождественская карусель. Вот только это была не моя жизнь. Моя жизнь осталась там, в серой холодной пустыне. Но, я бы отдал всё, чтобы вернуться сейчас в эту серую пустыню, где я был полноценным человеком.

Я думал обо всём этом, глядя на своё отражение в сверкающих витринах, наблюдая с неспешно едущего эскалатора за пёстрыми толпами людей, суесящихся внизу. Несмотря на все грустные мысли, этот новый, открывшийся мне мир побуждал во мне желание жить.

Мы заезжали в каждый магазин, рассматривали витрины, катались вдоль стеллажей и стоек с одеждой, примеря-

ли, шарфы, шапки, перчатки, зачем-то рассматривали ботинки, крутя их в руках и пробуя на изгиб упругую подошву. Я делал это с удовольствием, как будто возвращаясь в ту жизнь, где это было необходимо. Продавщицы нас не замечали. Мы были словно невидимки среди массы явно обозримых и живых покупателей. Лишь иногда, рассматривая очередную вещь, я ловил на себе взгляд, украдкой брошенный какой – либо из продавщиц. Наверное, они думали, что мы хотим что-то украсть. Другой причины нашего появления в магазинах модной одежды они не могли усмотреть.

Вдоволь нагулявшись по магазинам, мы пообедали в пельменной, которая находилась здесь же на втором этаже. Следующим мероприятием в нашей развлекательной программе стал поход в кино. Кинотеатры тоже изменились с того момента, когда я последний раз их посещал. Всё было по другому начиная от кассы, в которой можно было выбрать место, на экране монитора, до вестибюля в котором нещадно пахло жаренной кукурузой и стояло множество игровых автоматов. В большом зале были мягкие кресла с большими подлокотниками, в которых были предусмотрены отверстия под напитки. Мы купили билеты на места с краю, чтобы было удобней пересесть со своих кресел в стационарные и два огромных ведра попкорна. Мы не вдавались в изучение содержания фильма, на который собрались. Это не было важным. Главной целью было само мероприятие, когда то казавшееся будничным, а теперь приобретшее ценность из-за то-

го что ты занимаешься как бы одним делом с нормальными полноценными людьми. Вроде и дело то плёвое: просмотр кино, но всё-таки дело.

Фильм оказался не очень. Ужасы были совсем не ужасными, а больше мерзкими, вызывающими тошноту. Поэтому, прикончив свои вёдра с попкорном, мы единогласно решили покинуть зал. Сегодня, хоть на один день мы вернулись в полноценную жизнь и просто не могли растрачивать этот день зря.

Когда, преодолев стеклянные мясорубки, мы выкатились из ЦУМа, на улице было уже темно. Город сверкал разноцветными огнями. Здания городской администрации и думы переливались играющей иллюминацией. По центральной улице огромным потоком двигались машины, то и дело сигналивая и мигая красными лампочками стоп – сигналов. Мимо крыльца ЦУМа с которого мы любовались видом вечернего города то и дело протекали разношёрстные кучки галдящей молодёжи. Они шли тусоваться, у них всё было впереди. Здесь была жизнь. Бурлящая, словно горная река, она придавала энергии, и трудно было не забыться и не унести вместе с её быстрым течением.

Прямо через дорогу от нас находилось большое прямоугольное здание танцзала. Оно тоже стало неузнаваемым из-за новой отделки и подсветки, благодаря которой стало казаться золотистым.

– Сегодня дискотека, видишь молодняк идёт? – мечтательно сказал Длинный.

Да, с этим местом у меня было связано много приятных воспоминаний. Весёлое беззаботное времяпрепровождение, пьянки, танцы до упада, флирт и знакомство с девчонками. Но всё это случилось в той жизни, где здание танцзала было грязно – серого цвета, на этих улицах не было светящихся

гирлянд и в одежде людей очень редко встречались яркие цвета. Я поймал себя на том, что просто нахожусь в параллельной реальности. Мне хотелось погрузиться в эту новую реальность, изучать её подобно человеку, попавшему на другую планету.

– Может быть сходим? – произнёс я и сам удивился своему предложению.

– В танцзал? Ты уверен? – Длинный удивлённо уставился на меня.

Я снова чуть было не сказал «не знаю», но опять же благодаря Длинному, вслух произнёс:

– А чё, гулять, так гулять...

– Заметь, не я это предложил! – сказал Длинный начав спуск с крыльца магазина.

Мы двигались в весёлом бурлящем потоке, который нёс нас по узкой дорожке, ведущей к крыльцу танцзала. Я утопал в весёлых голосах парней и девчонок, запахе алкоголя, сигарет и духов, цоканье длинных каблуков; в ярких нарядах, коротких юбках, и мне хотелось как можно дольше плыть в этом весёлом и энергичном потоке. Я и не заметил, как весёлая волна забросила нас на невысокое крыльцо, открыла перед нами тяжёлые двери и занесла в вестибюль. Всё это казалось волшебством, происходящим самим по себе, и лишь потом я осознал, что и здесь не обошлось без участия Длинного. В широком вестибюле поток расщеплялся и превращался в огромный водоворот людей, которые снимали верхнюю

одежду, стояли в очереди в кассу, ждали и встречали друзей. Я чувствовал себя маленьким ребёнком, который путается у взрослых в ногах и осознавал, что мне нравится быть частью этого весёлого гвалта. Длинный уверенно двигался вперёд, филигранно огибая суесящихся людей, и я едва поспевал за ним. Мне приходилось продираться через частокоты ног и заросли суесящихся тел. Меня замечали, только когда я наезжал кому – нибудь на ногу, или нечаянно толкал под коленку. Каждое такое столкновение заканчивалось одинаково. Возмущенный, ищущий виновника внезапного болевотого ощущения взгляд, сменялся сначала на растерянный, а потом по мере сил пытался стать добродушным. Находясь в этой бурлящей толпе, я чувствовал себя невидимкой, которого можно ощутить только тактильно, когда он отдавит кому – нибудь ногу. В отличие от меня Длинный не хотел быть невидимкой и не был им. Я видел, как он всё время что-то говорил людям рядом, весело кричал кому-то сбоку, уверенно дёргал за рукава загораживающих ему дорогу, чтобы те отошли в сторону. Он вёл себя так уверенно, как будто у него было две ноги. Он вёл себя так уверенно, как будто у него было четыре ноги!!!

Преодолев вслед за Длинным очередной проход, в котором поток был самым бурлящим и интенсивным из-за того, что сжимался до узкой струйки, я, наконец-то, оказался в самом помещении танцзала.

Мы прокатились вдоль стенки, нашли более – менее сво-

бодное место и заняли наблюдательные позиции. А какие ещё позиции мы могли занимать?

Здесь всё изменилось. Изменилась музыка, которая с моего последнего здесь пребывания повысила свой градус и темп; изменилось звучание этой самой музыки, которая нещадно лилась теперь со всех сторон из огромных колонок, расставленных по углам. Жалкое перемигивание цветных фонариков и отблески зайчиков от стеклянных шаров сменили яркие вспышки стробоскопов, которые рвали движения танцующих на мелкие части. Сами движения тоже изменились, из стационарных они превратились в более амплитудные и объёмные. Теперь танцующие не стояли на одном месте, а стремились отхватить себе как можно больше территории. Если раньше танцы больше уходили в ноги, то теперь стало много движений руками. А главное, изменились сами танцующие. Зелёные слаксы и треники пацанов сменились на обтягивающие джинсы; лосины и ботфорты девчонок, сменились на разноцветные юбки карандаши, блестящие кофты на откровенные блузки; волосы парней стали длиннее, а у девчонок наоборот короче. Кроме внешних признаков изменились они сами. Смотря на извивающихся в танце людей, я осознавал, что это совершенно другие люди, танцующие в другом месте, под другую музыку. Что это? Прошло всего пять лет! Как всё могло так кардинально поменяться? Куда делись все те люди, которых я знал? Как будто огромная волна в один момент смыла их с этого танцпо-

ла. Эта же волна принесла им на смену этих новых. Неужели все те, которых я знал растворились бесследно? Нет если даже они и остались, то подобно нам с Длинным смотрят откуда – то со стороны на тех, кто танцует. Мы, уцелевшие в огромном урагане, которые вернувшись домой обнаружили, что здесь живёт совсем другая цивилизация.

Длинный прервал мои размышления, толкнув меня в бок.

– Ну чё, идём танцевать?

Я смотрел на его улыбающуюся физиономию и не мог понять, шутит ли он, или говорит серьёзно.

– Танцевать?!

– А то? Ты меня зачем в танцзал затащил?

Длинный не стал продолжать дискуссию. Он выехал на паркет, отчаянно врубился в разношёрстную толпу и исчез в густом лесу танцующих. Я понял, что у меня нет другого выхода и немного помешкав, как перед прыжком с вышки, задержав дыхание, выкатился на паркет. И снова я очутился в окружении ног. Ноги были в чулочках, в джинсах, стройные и полноватые, в кроссовках и в туфлях на шпильках. Ноги сгибались, двигались, перемещались, бежали. Они пропадали и снова появлялись в свете стробоскопов. Где то в гуще этих ног, переплетающихся как лианы, я увидел голову Длинного в кожаной кепке и устремился к нему. Я чувствовал как бёдра и ноги толкают меня с разных сторон, и видел, как эти ноги расступаются передо мной, как деревья в волшебном лесу.

Длинный запрокинув голову назад, кружился на своей коляске прямо в центре зала. Я в первый раз слышал мелодию, которая играла, но видел, что Длинный просто кайфует. Его глаза были закрыты, а по лицу ползла блаженная улыбка. Вокруг него образовалось много пространства. Это был большой круг, в центре которого он плавно вращался. Я заметил, что этот круг отличается от всех тех, что я видел раньше, когда ещё полноценным человеком ходил на дискотеки. Этот круг был неправильным. Раньше в разгаре танца по кругу ходил цветок, или какой –нибудь предмет. Человек, которому он доставался выходил в центр круга и танцевал там. Это было несколько минут славы, а может быть позора. В любом случае в эти несколько минут ты чувствовал, что находишься в центре внимания. Здесь же всё было по-другому. Большинство танцоров, находящихся по периметру круга были повёрнуты к Длинному спиной. Они не смотрели на него. Они отошли от него подальше, словно от чумного. Я был вторым человеком, оказавшимся в этом круге. В отличие от Длинного, я просто замер на месте. Я не хотел танцевать, не хотел кружиться как Длинный. Эти спины образовали собой щит, отгораживающий меня от музыки и веселья. В звенящей тишине я видел инвалида в коляске, который блаженно улыбаясь раскручивается вокруг своей оси. Да, Длинный был таким же невидимкой как и я. Только он не хотел понимать того, что он невидимка. Он был как то привидение из голливудского фильма, которое пыталось обратить на се-

бя внимание. Я ощущал себя таким же привидением, но в отличие от Длинного хотел и старался быть незаметным.

Я развернулся и стал пробираться назад. Как же я хотел в этот момент быть тем привидением, которое проходит сквозь людей и стены, пронзает любую материю, оставаясь незамеченным. Но я оставался недопривидением и недо-невидимкой, поэтому из толпы танцующих мне удалось выбраться, натолкнувшись на добрый десяток человек. Снова оказавшись у стены, наблюдая за волнуемой в такт музыке огромной пёстрой массой, я понимал, что больше не хочу здесь находиться.

Длинный появился, только после двух длинных треков, когда наконец-то заиграл медляк. Он выглядел раскрасневшимся и счастливым.

– А ты чё не пошёл? – спросил он меня, дыша вздохом, как после кросса.

– Так... не хочется!

Я не стал признаваться Длинному, что был там с ним.

– Может пойдём? – спросил я его.

– А чего так? – В горящих глазах Длинного отражались вспышки стробоскопов. – Я бы ещё потанцевал. Ну... если хочешь, пошли.

Когда мы выкатились на широкое крыльцо, Длинный закурил.

– Санька, а ты чё загрустил? – спросил он меня.

– Не... тебе показалось, – я не мог ответить ничего вразум-

мительного и с трудом пытался натянуть улыбку.

– Снова почувствовал себя мусором? – он улыбнулся и ткнул меня кулаком в плечо. – Гони от себя эти мысли. Это самое страшное, что может быть. Ты ещё покажешь им всем, что ты не отброс, не мусор... – при этих словах Длинный зачем-то показал на двери танцзала. – Но они этого не будут понимать до тех пор, пока ты сам этого не поймёшь!

Мне было приятно слышать эти слова, они согревали и бодрили меня лучше алкоголя. В этот момент я решил, что хочу стать таким как Длинный. Я хочу так же как он радоваться жизни и не бояться косых взглядов, хочу так же кружиться в танце, закрыв глаза, чтобы мне было плевать, что в этот момент происходит вокруг.

Я улыбнулся и крепко сжал его руку.

– Я буду стараться, Слава. Ты меня научишь? Обещаешь?

– Я тебе покажу дорогу, идти то всё равно тебе. – он улыбнулся в ответ, не отпуская моей руки. – Да... и называй меня Длинным, мне это больше нравится. Ну что, на сегодня хватит? Едем домой...

На небольшой парковке возле танцзала стояла всего одна машина. Это была «десятка» с наглухо затонированными окнами. Машина была заведена и вздрагивала от пульсирующих звуков усиленных сабвуфером.

– Ну что, вперёд! – скомандовал Длинный, давая понять, что в этот раз моя очередь договариваться.

– Сла... Длинный, ты мне скажи, как ты это делаешь?

– Что?

– Как тебе удаётся просить так, чтобы тебе не отказали?

Длинный взял меня за плечи и развернул вместе с коляской к себе.

– Смотри, Саня. – Он, сощурившись, впился в меня взглядом. – Есть одно волшебное слово, которое я говорю при встрече с новым человеком, или когда нужно что –нибудь попросить. – Тон Длинного внезапно стал вкрадчивым и таинственным.

– И что это за слово? – спросил я так же осторожно и вкрадчиво.

Длинный сделал паузу, зачем то, оглянулся по сторонам и наклонив лицо, почти вплотную ко мне произнёс вкрадчивым шёпотом:

– КЫС – КЫС – КЫС...

– Чё?! – Я не мог поверить своим ушам. Ну да, конечно, Длинный меня развёл. Какие к чертям могут быть волшебные слова. Мне скоро уже тридцать лет будет, а я до сих пор в сказки верю.

– КЫС – КЫС – КЫС – снова прошептал Длинный.

– Длинный, я думал ты серьёзно, а ты приколоться решил...

– А я серьёзно... – На лице Длинного на самом деле не было и тени усмешки.

– Да ну, ерунда какая – то! Я что должен подойти к человеку и сказать ему: «кыс – кыс...привет!» – смеялся я.

– Нет, ты говоришь это про себя. Просто, перед тем, как обратиться к человеку, скажи про себя «кыс – кыс – кыс».

– И чё дальше? Нет, ты на самом деле прикалываешься? – Я не мог поверить, что Длинный говорит это на полном серьёзе.

– Ты спросил, я ответил. – Махнул рукой Длинный. – Зачем спрашивать, когда не хочешь слушать того, что тебе говорят? – он снова достал сигарету и прикурил.

– Просто...это как-то...

– Как? Глупо что ли? Ну да, может быть. Только я так делаю. Ты спросил как, и я тебе ответил...

– И это всё? Весь секрет?

– Это всё! Хочешь, прислушивайся, хочешь, нет. Санька, только давай уже быстрее, а то мы тут околеем.

На самом деле неподвижно сидеть под зимним ветром было очень холодно.

Я, пожав плечами, начал осторожно скатывать коляску с крыльца. Преодолевая последнюю ступеньку, я услышал голос Длинного:

– Главное, произнеси это чётко!

«Что он несёт? – подумал я. – Как можно произнести что-то чётко про себя».

Тем не менее, я решил сделать всё так, как сказал Длинный, скорее всего, просто для того, чтобы поставить галочку. «Я сделал точно так, как ты сказал и чего?».

Я осторожно потянул на себя перламутровую ручку, вы-

крашенную в цвет кузова. Дверь не поддавалась, она была заблокирована. Тёмное зеркальное стекло начало медленно опускаться и моё отражение сменилось широким розовощёким лицом молодого парня. Глаза парня выражали недоумение, а весь его рот был вымазан губной помадой.

«Кыс – кыс – кыс!»

Я заметил, что на соседнем сидении находится белокурая девчонка, которая откинулась на спинку, положенную почти горизонтально.

«Кыс – кыс – кыс! Блин, везёт же мне!»

Парень продолжал смотреть на меня, а я на него.

«Кыс – кыс – кыс!»

– Слушай, браток! Ты конечно извини, что не вовремя. Просто мы тут с корешем замёрзли совсем, а нам до КПД доехать надо. Ты не переживай, деньги у нас есть. – Я улыбнулся и провёл пальцем вокруг губ. – У тебя это... ты б вытер.

Паренёк посмотрел в зеркало заднего вида и, улыбнувшись, повернулся к своей подружке. Я услышал звонкий короткий хохоток.

– До КПД? – он повернулся ко мне, вытирая ладони губы, точнее размазывая то, что на них было. Выражение его лица говорило «знаешь, не очень – то хочется». Немного подумав, он хлопнул левой рукой по баранке и снова повернулся к подружке:

– Ну что, Мариша, поможем пацанам, а то замёрзнут!

Такой поворот был настолько неожиданным, что я растёк-

ся в широкой улыбке и, повернувшись к крыльцу, где темнел одинокий силуэт Длинного замахал ему обеими руками.

Мы попросили высадить нас на месте нашей утренней встречи у Строяка. Парень и девчонка дружно помогли нам выбраться из машины и сесть в коляски. От денег они отказывались с таким же упорством, с каким я их предлагал.

– Ну что, получилось? – спросил меня Длинный, когда «десятка», на прощание свистнув колёсами, укатила в ночь.

– Получилось! Слушай, Длинный, а ведь это работает!

На самом деле я не был уверен, что в этой ситуации сработало именно волшебное слово, которым поделился со мной Длинный, но в одном я был уверен на сто процентов: что-то сдвинулось с мёртвой точки; что-то так долго стоящее на месте закрутилось, и теперь будет только набирать обороты. Моё душевное состояние можно было сравнить только с моментами, когда я впервые делал что-то прорывное: впервые прокатился на велосипеде, впервые почувствовал себя самостоятельно плывущим в море; впервые почувствовал любовь к женщине.

– Ну чё, может быть тогда ко мне махнём, отметим это дело? – спросил Длинный.

Я категорично замотал головой.

– Нет! Уже ночь, меня и так уже родители потеряли. Они уже отвыкли от моих поздних загулов...

– Пусть привыкают! – улыбался Длинный, – жизнь только начинается!

Коляска плавно плыла, словно парила в воздухе. Я летел по пустынной вымершей улице в направлении дома и впервые за много лет чувствовал себя счастливым. Одна мысль не могла уложиться в моей голове:

«Неужели я знаю Длинного чуть больше суток? Этого не может быть! Я знал его всю свою жизнь, а встретил только вчера».

Мать встретила меня на лестничной площадке. Она была в ночной сорочке, и лицо её было бледным и сердитым.

– Ты где бродишь? – она обшаривала меня строгим взглядом, будто пытаюсь найти на мне следы преступления. Опять я ощутил себя в той жизни, когда она вот так же ждала меня ночами, выглядывая в окно с лестничной площадки. Тогда моё долгое отсутствие не сулило ничего, кроме неприятностей. С моим образом жизни я запросто мог очутиться в милиции или в морге. И сейчас я ждал той фразы, которую она произносила, встречая меня вот так же на лестничной клетке.

– Я уже собиралась в милицию, в морг звонить. Ты что нас в могилу загнать хочешь?

Ну да, всё было так же, как и тогда. Точно те же слова и эмоции. Неужели я возвращаюсь? Но куда?

«Кыс – кыс – кыс!».

– Мам... ну прости, что так вышло. – Я положил ладонь на её сухое жилистое запястье. Она с удивлением опустила глаза, будто увидела на своей руке что-то невероятное, неестественное. Всё дело в том, что я с младенческого возраста не имел с ней тактильных контактов, будь – то прикосновения, или объятия. А сейчас это получилось так естественно и просто, что я сам удивился этому своему действию.

– Я сегодня нашёл друга! Настоящего друга! – Я смотрел ей в глаза и видел, как в них мгновенно растапливается вековой лёд.

– Саша! – кончики её губ задрожали, а глаза заблестели. – Друг это хорошо, но мы же с отцом так волнуемся...

– Я больше так не буду! – улыбнулся я. – Мам, пошли домой!

Потом мы долго сидели на нашей маленькой кухне, чашку за чашкой пили чай и я рассказывал ей про всё: про Ассоциацию, про Длинного, про ЦУМ, про дискотеку... Никогда ещё в своей жизни я не был таким откровенным и открытым, как в эту ночь. Никогда ещё я не видел, глаз матери такими тёплыми и любящими.

Мы разошлись уже под утро. Мать ушла спать, а я сидел в своей комнате и смотрел в окно. Там на улице шёл сильный снег. Крупные хлопья кусками ваты тяжело падали на деревья и на землю, густым слоем покрывали подоконник. Слушая шорох падающего снега, я ощущал тысячи мягких прикосновений. кто-то там говорил, что он любит меня, что

теперь всё будет по-другому. кто-то расстилал передо мной огромный белый лист, которым закрывал, всё старое и серое. Теперь всё заново. Уже завтра я сделаю свои первые шаги в новой жизни, оставлю первые следы на этом незапятнанном чистом листе.

Я уснул, когда рассвело, и вся комната окрасилась в нежно голубой цвет. Уже через два часа проснулся радостный и бодрый. наконец-то он настал, этот новый день!

Мы встретились в двенадцать на том же месте у «Строя-ка». Длинный снова опоздал минут на пять, но на этот раз это меня нисколько не разозлило. Снега за ночь навалило столько, что колёса наших колясок утопали в сугробах. Бие-ние моего сердца заметно участилось, когда мой друг снова протянул мне руку в перчатке. Мой старый родной друг, которого я знаю уже больше суток, приветливо улыбался мне, и его скуластое лицо было розовым от лёгкого морозца.

– Ну чё, куда сегодня рванём? – Задал он мне дежурный вопрос.

– Рванёшь тут пожалуй...с меня семь потов сошло, пока до сюда добрался.

– Да уж, навалило, будь здоров! – Длинный перчаткой счи-щал комки налипшего снега с колеса.

– Сейчас на санях нужно ездить, – улыбнулся я.

– А что, это идея! – Длинный похлопал в ладоши, стряхи-вая с перчаток снег. – Горки помнишь на реке?

Я понял, что он говорит про высокий берег реки, кото-

рый зимой превращался в крутую экстремальную горку. В той жизни мы с друзьями часто ездили туда в поисках острых ощущений.

– А как же, мы часто там с пацанами катались...

– Сейчас там пункт проката сделали. Сани у них крутые, управляемые, с рулём. Поедем, вспомним детство?

Мой ум тут же попытался найти, где подвох, в этой прекрасной перспективе, и он его быстро нашёл.

– Всё это здорово! Вот только как мы будем подниматься в гору, когда скатимся. Помнится мне, это и в хорошее время было тяжело...

– Дружище, а как насчёт моего метода? – Длинный похлопал меня по плечу.

Рыжий паренёк из проката долго и тщательно подбирал нам сани. Он крутил сидения, дёргал за поручни, проверяя их на прочность, осматривал лыжи, крутил рулём, проверяя люфт. Наконец, выбрав, по его мнению, самые надёжные, он сам пошёл с нами на спуск, где помог пересесть из колясок в сани.

– Ну как, пацаны? Вы нормально? – спросил он, когда мы оказались верхом на санях на краю высокого склона.

– Всё пучком, спасибо, браток! – весело сказал Длинный.

Я смотрел вниз с высокого обрыва и ощущал лёгкий мандраж. Биение сердца набирало обороты по мере того, как я видел стремительно летящих вниз парней на санках. Они с визгами и криками катились вниз по проторённой в снегу

узенькой дорожке, и их полёт заканчивался снежным взрывом, когда сани врезались в сугроб.

– Ну чё, парни, кто первый? – услышал я за спиной голос рыжего.

– Он поедет! – Длинный, улыбаясь, показывал на меня. – Сашка у нас всегда с ходу во все тяжкие...

Мне ничего не оставалось делать, как пытаться растянуть в улыбке обескровленные страхом губы.

Мои сани, подталкиваемые сзади рыжим, подъехали к отправной точке. Передо мной, а точнее подо мной было двести метров извилистой дорожки уходящей вниз под острым углом. Я подумал, что уже давно не ощущал этот настоящий не надуманный страх перед опасностью. Это было не так как раньше, когда я ни минуты не мешкая нырял, прыгал, катился с любой кручи. Теперь я стал ограниченным в действиях, и это конечно усиливало во мне страх перед всеми грозящими опасностями крутого спуска. Но выбор уже сделан, и я хотел, чтобы это быстрее началось, потому что с каждой секундой чувствовал это парализующее воздействие, которое оказывал на меня страх.

– Готов? – голос рыжего за спиной прозвучал как пушечный залп.

– Да!

Я почувствовал лёгкий толчок в спину. Сани клюнули носом и начали набирать скорость. Теперь я видел только проносящиеся мимо меня снежные края узкой тропинки. Всё

моё внимание было сосредоточено на передней лыже, которую я пытался держать с помощью руля ровно по центру тропинки. Скорость увеличивалась, и мне было всё сложнее контролировать положение руля. Я подлетел на высоком бугре и едва удержал сани, норовящие завалиться на бок. Чувство страха сменило желание выжить, уцелеть. Уже внизу, на горизонтальной поверхности реки я не заметил лёгкого поворота тропинки, и лыжа ткнулась в обочину. Меня выбросило из саней, и я, кувыркнувшись через голову, ухнулся спиной в сугроб.

Этот короткий полёт по ощущениям был точно таким же, как и тот на горной тропе, когда я наступил на железную лягушку. Тогда взрывная волна нещадно с корнем вырвала меня из прошлой серой жизни и выбросила в пустоту. Этот полёт возвращал меня назад. Я падал в жизнь! Жизнь была мягкой, словно толстая перина, и я почувствовал её бодрящий поцелуй, который белой пудрой обсыпал мне лицо. Я лежал в сугробе, раскинув руки, и громко хохотал. Снег таял, растекаясь по лицу чистыми слезами, а я всё продолжал смеяться, глядя в серое небо.

Надо мной склонились двое розовощёких пацанов в цветастых вязаных шапках.

– Ты в порядке? – спросил один.

– В полном, парни! В полном порядке! – Я продолжал улыбаться и не делал никаких попыток встать. Да и к чему были эти бесполезные попытки.

Парни молча, словно по команде, схватили меня под руки, натужно кряхтя приподняли и потащили в гору.

– Мишка, сани его и наши возьми! – крикнул один из них кому-то сзади.

Я крепко обнимал шеи парней, которые с упорством ломовых лошадей тащили меня наверх. Оглядываясь вокруг, я не мог поверить, что это всё происходит со мной. Ещё два дня назад я сидел в четырёх стенах и не видел ни малейшей возможности их раздвинуть. И вот я весь мокрый от снега, возбуждённый, весёлый взлетаю вверх по горе. Вокруг весёлый гомон, крики мат и куча народу. Я стал частью этой кучи, частью процесса. Я занят общим с ними делом, и неважно, что это дело бесцельное, неорганизованное и суетливое. Даже из под утеплённых болоньевых курток, я чувствовал жар, который издавали тела изнурённых, запыхавшихся парней.

– Ещё поедешь? – спросил меня один, повернувшись ко мне раскрасневшимся лицом, по которому ручьями катился пот.

– Поеду! – уверенно ответил я.

Парни усадили меня на сани и подкатали к хвосту короткой очереди из пяти или шести человек, желающих скатиться с горы.

– Пацаны, может пропустите нас! – крикнул один из моих сопровождающих. Люди в очереди повернулись и растерянно смотрели, не сразу понимая, о чём идёт речь, но я тут же

закричал:

– Всё нормально, ребята. Я как все в очереди постою! Мне не запахло, – и засмеялся. Парни в очереди улыбаясь кивали головами «мол всё нормально».

– Но если пропустите, мы вам только спасибо скажем!

Это был голос Длинного. Я и не заметил, как он оказался рядом. За спинкой его саней стоял улыбающийся худощавый паренёк.

«Какой вопрос...проходите парни...» – очередь в момент расступилась перед нами.

– Спасибо, парни! Мы вас там дождёмся! Всё равно ведь вам нас наверх переть!

Длинный был в своём репертуаре. Он даже здесь не забывал о своём методе, продолжая облагодетельствовать стоящих вокруг людей просьбами. Он знал, что теперь они будут наперебой стремиться попасть в команду, поднимающих нас наверх.

– Давай теперь ты первый! Хочу посмотреть, как ты улетишь в сугроб! – Я задорно похлопал друга по плечу.

– А я не падаю с саней в отличие от некоторых! – Заносчиво произнёс Длинный.

– Вот и посмотрим!

Я наблюдал, как сани Длинного летят вниз по извилистой тропинке. Он управлял санями, как будто делал это всю свою жизнь, уверенно маневрируя на сложных участках. Длинный делал уверенно всё, за что бы ни брался.

Ещё десять раз нас уносили вниз сани, а наверх поднимали парни, добровольно ставшие нашими слугами на этой горе. Это с самого начала были одни и те же пацаны. Они ни кому не пожелали уступать свою работу, хотя желающие всегда находились. Они каждый раз вырастали передо мной уже через секунду, когда я оказывался внизу. Неизменные слуги Длинного так же не оставляли его ни на минуту.

– Ну всё, пацаны! Сейчас сдаём сани и в блинную. Я угощаю! – сказал Длинный после очередного подъёма.

Мы завалились в кафе большой компанией, в которой кроме двух инвалидов было четверо измождённых, до нитки мокрых от пота несовершеннолетних пацанов. Длинный по – хозяйски дал распоряжения молоденькой официантке, чтобы она принесла всем по две порции блинов с мясом и самовар чаю. Давно уже я не чувствовал себя таким замёрзшим и голодным. Только сейчас я понял, какое это счастье попасть в тепло, когда ты промерз и вкусно поесть, когда ты голоден. Мы все набросились на еду и не произносили ни звука, кроме чавканья и швыркканья чаем из стаканов, пока наши тарелки не опустели.

– А вы это...на войне? – спросил розовощёкий парнишка из моей команды, метнув короткий взгляд ниже моего пояса.

– На войне! – ответил я, зачем-то виновато улыбнувшись.

– А где? На какой войне? – Продолжал допрос любопытный паренёк.

– На войне с самим собой!

Неожиданная фраза Длинного ввела всех в недоумение.

– А разве...разве такое может быть на войне с самим собой? – Паренёк робко улыбался, надеясь, что Длинный опровергнет свою неудачную шутку.

– Война с самим собой самая жестокая, самая тяжёлая, самая долгая и самая кровопролитная. На ней можно потерять не только ноги, но и жизнь. Можно конечно не воевать, но тогда ты остаёшься проигравшим. Тогда ты потеряешь что-то большее чем ноги. Ты потеряешь самого себя.

Парни растерянно смотрели на Длинного. Они не понимали, о чём он говорит. Я тоже не понимал, произнесённых им слов, но уже точно знал, что запомню их навсегда, точно так же, как их запомнят эти пацаны.

Мы покинули кафе, когда на улице стояли голубоватые уютные сумерки

– Ну, пока, парни! Спасибо за помощь! – Длинный, а вслед за ним и я крепко пожали руки нашим добровольным помощникам.

«Не за что...приезжайте ещё, покатаемся...» – говорили наперебой счастливые пацаны. Когда мы провожали глазами удаляющуюся от нас весёлую компанию, я думал насколько правильными были слова Длинного, о том, что люди бывают счастливы, когда могут оказать помощь, почувствовать себя необходимыми. Как же это всё гениально и просто. Есть две половинки. Одна из них нуждается в помощи, другая нуждается в том, чтобы быть нужным, востребованным. Нужно

только лишь соединить эти две половинки с помощью просьбы. Оказывается, просьба это тоже доброе дело. Это озарение, которое открылось, благодаря Длинному теперь взорвалось во мне словно бомба, и теперь я желал только действовать.

– Куда рванём? – на этот раз уже я спросил Длинного.

– Поехали ко мне! Покажу тебе свою берлогу и угощу кое чем. – предложил он в ответ и я с радостью согласился. Мне не хотелось расставаться с ним никогда.

Теперь нам снова нужно было вернуться на район к «Строяку» и мы ехали вдоль дороги в поисках машины. В субботний день дорога была почти пустой. Только изредка мимо нас проносились машины, но из за наваливших сугробов мы не могли подъехать вплотную к обочине, чтобы попытаться их остановить. Впереди я увидел остановку, и моргающий поворотником отъезжающий автобус.

– Поехали! – заорал я Длинному и со всей мочи начал крутить колёса в направлении остановки. Автобус отъезжал неспешно, как отчаливающий от пристани огромный пароход. Я несколько раз махнул рукой коренастому водителю в свитере «Boys», который выкручивал огромную как штурвал баранку вправо.

«Кыс – кыс – кыс! Ну давай»

Проехав ещё немного вперёд, я снова замахал обеими руками, и увидел, что водитель остановил движение и автобус замер с вывернутыми колёсами.

– Славка, догоняй! – заорал я ехавшему сзади Длинному, и ещё сильнее припустил к остановке.

Двери с приятным шипением разъехались в разные стороны, словно приглашая нас быстрее очутиться в тёплом салоне.

«Кыс — кыс — кыс!»

— Парни помогите! — крикнул я сходу парням со спортивными сумками, стоящим напротив дверей. Парни выскочили и со скоростью урагана затащили в салон сначала меня, а потом Длинного. Люди в хвосте автобуса расступились, чтобы освободить нам место.

«Спасибо...спасибо...спасибо» — я благодарил каждого с кем встречался взглядом. Они приветливо улыбались в ответ: парни и девчонки, пожилая женщина и кавказец в огромной кепке. Я улыбался в ответ им всем и не прятал своего взгляда. Я больше не хотел быть невидимкой. Как я давно не ездил в автобусах. Я переводил взгляд с окна, где проносились знакомые пейзажи, на Длинного, умиротворённо восседающего на своём троне; осматривал новый салон с никелированными поручнями и мягкими удобными сидениями, вглядывался в лица пассажиров. Несмотря на выходной день автобус был полным. Меня переполнял восторг оттого, что я тоже куда-то спешу вместе со всеми этими, людьми; у меня тоже есть свои заботы; я тоже один из пассажиров; я такой же пассажир, как и все здесь сидящие и у меня есть своё место в этой жизни.

На остановке нам нужно было только подъехать поближе к дверям, чтобы нас без лишних вопросов бережно выгрузили.

Всё оказалось так просто, а я почему – то боялся ездить на автобусах.

Жилище Длинного оказалось не так уж близко к «Строя-ку». Мы долго пробирались по узким неудобным тропинкам в старых дворах с хрущёвскими домами, потом проехали под страшной аркой из труб тепломагистрали и оказались на узкой дороге уходящей вниз под большим уклоном. По обеим сторонам дорожки неуклюже возвышались серые двухэтажные бараки. В этих местах я бывал только один раз, когда мы с моим другой Мишкой искали машину времени. Почему она должна была находиться именно здесь, я уже не помню. Кажется, Мишка увидел это место на карте, которую сам же и нарисовал. Никакой машины мы конечно не нашли. А может всё-таки нашли? Вот же он я в будущем. Мы переместились на пятнадцать лет вперёд. Только почему то вокруг всё осталось таким же как и тогда серым и убогим, лишь я слегка трансформировался и вместо ног приобрёл шикарные колёса и вместо Мишки рядом со мной мой лучший друг по прозвищу Длинный.

За бараками был пустырь, часть которого была занята гаражным кооперативом. Длинный уверенно направился туда по неочищенной от снега дороге. Я уставший и взмокший от пота уже с трудом проворачивал колёса своей коляски в вязком снегу.

Проехав между двумя гаражными блоками до противопо-

ложного края, мы очутились у зелёных ворот большого гаража с кирпичной надстройкой сверху. Длинный выудил из внутреннего кармана куртки массивный трубчатый ключ и воткнул его в небольшое отверстие в калитке.

– Вот мы и дома, – сказал он, провернув ключ в замке и распахивая калитку, обитую изнутри шпоном.

– Ты здесь живёшь? В гараже? – спросил я удивлённо.

– А чем не жилище? Сейчас зайдёшь сам всё увидишь, – крикнул Длинный вытаскивая удерживающие штыри сверху и снизу, чтобы открыть ворота. Наконец одна створка ворот распахнулась, и перед моим взором возникло небольшое помещение, стены которого были обшиты вагонкой. Вдоль стен были прибиты полки, на которых плотными рядами стояли банки с соленьями. Посередине находился пологий скат из досок с верёвочными перилами по бокам. Я сразу понял, что это был самодельный пандус для подъёма наверх.

– Ты заходи, не стесняйся, – Длинный пропустил меня вперёд, а сам заехал следом, включил свет и закрыл ворота.

– Это мой бункер. Здесь лет десять можно прожить, не выходя на улицу. Жратвы полно, вон соленья, картоха, тушёнки пять коробок, даже лапша китайская есть. – Длинный по хозяйски катался по периметру гаража, хвастаясь своими запасами. Действительно, помещение в двадцать квадратных метров больше походило на продуктовый склад. Мешки с картошкой, капустой и прочими овощами, занимали всю заднюю часть. Под полками с соленьями стояли коробки с

тушённой и китайской лапшой.

– А отопление есть? – спросил я, ёжась от холода и обнимая себя руками.

– А как же? Там наверху масляные обогреватели. Здесь если чё тоже есть, но включаю только в сильный мороз, чтобы овощи не сгнили.

Длинный жестом пригласил меня продолжить осмотр и, цепляясь за верёвки, в три маха преодолел пандус и оказался наверху. Я последовал за ним. Оказавшись на втором этаже, я удивился, насколько домашней была обстановка здесь. Все четыре стены были завешаны пёстрыми коврами. Один пушистый с длинным ворсом лежал на полу. Небольшой, аккуратно застеленный диван располагался у дальней стенки. Напротив него на тумбочке стоял телевизор. К одной из стен прислонился шкаф без ножек, верхняя полка которого была заставлена книгами.

– А что, вполне можно жить! – восхищённо сказал я.

– Чего не жить? Все удобства имеются. Там внизу даже туалет есть. – Длинный ловко перепрыгнул с кресла на диван. – Чё стоишь, как неродной? Снимай куртку, садись! – скомандовал он.

Я последовал его примеру и перебрался на диван. Длинный щёлкнул пультом, включая телевизор. Экран загорелся, и помещение наполнилось писклявыми голосами героев мультсериала. Я ощутил домашний уют.

– Если чё и музло имеется, – Длинный показал на магни-

толу с большими колонками, стоящую сверху на шкафу.

– Ты уже давно здесь? – я тактично пытался подобраться к вопросу, почему Длинный живёт в гараже.

– Два года. Раньше мы с батей вдвоём жили. Мамка убежала, когда я ещё пацаном был. Теперь он под старость лет себе невесту нашёл. Я жить с ними не захотел, тем более хата однокомнатная, вот сюда и переехал. Но это всё мне батя сделал. – Длинный сделал отрывистый жест, показывая на помещение. – Сначала было непривычно, а теперь я не представляю где можно ещё жить, как не здесь.

– И не страшно? – спросил я.

– Во – первых, я здесь всех знаю; во – вторых, хозяин соседнего гаража наш участковый; а в-третьих, в этой жизни я уже ничего не боюсь.

Длинный засунул руку за диван и достал оттуда небольшой свёрток, сделанный из пожелтевшей газеты. Он аккуратно развернул засохшую бумагу, в которой оказалась небольшая горсточка бурой травы.

– Давно у меня лежит, всё случая не было попробовать. Мне ведь одному нельзя. – Он снова полез за диван и достал оттуда пачку папирос.

– Шмальнём по чуть – чуть? – он хитро прищурился, доставая папиросу.

– Даже не знаю... – я снова произнёс нелюбимую фразу Длинного и решил тут же себя поправить.

– Просто... я не любитель этого. Ржёшь с неё как дурак, и

дурь всякая в башку лезет. Да и неприятностей от неё много. Я ведь после этой травы на воздух взлетел.

– Сегодня ты никуда не взлетишь, это я тебе гарантирую. Но что я тебе точно могу обещать, так это вынос мозга в моём исполнении.

Длинный с силой дунул в папиросу, из которой пулей вылетело всё её содержимое, а затем, высыпав травку в ладонь, сосредоточенно наполнял ею пустую папироску. Он делал поступательные движения, аккуратно нагребая траву в полную бумажную трубочку. После каждого такого движения он ставил папиросу вертикально и встряхивал её, ударяя мундштуком по запястью. Его взгляд был сосредоточен, как у врача, наполняющего шприц дорогостоящей вакциной.

– Ты и без неё умеешь мозги промывать, – усмехнулся я, не отрывая глаз от завораживающих манипуляций Длинного.

– С ней будет совсем другое дело, ты главное приготовься. Длинный уже наполнил папироску до краёв и продолжал аккуратно массировать её большим и указательным пальцем, плотно утрамбовывая бурую начинку. Потом он как конфетку закрутил оставшийся кончик папиросной бумаги и засунув всю папиросу в рот, словно облизывая леденец, протаскивал её между своих пухлых губ.

– Ну что, готов? – скорее всего формально спросил Длинный, потому что даже не смотрел на мою реакцию, а запаливал кончик папиросы от зажигалки.

Он глубоко затянулся и выдохнул облачко дыма, которое показалось мне зелёным. Я снова почувствовал этот запах, который не спутаешь ни с чем. Этот запах, чем – то напоминающий жареные семечки раньше мне нравился. Но сейчас он напомнил мне о событиях произошедших там, на горном посту и этим вызвал во мне страх. Я мгновенно оказался там, в маленькой палатке в кругу парней одетых в камуфляжную форму. Я во всех красках увидел перед собой лицо Белого, раскуривающего точно такую же папироску. Всё было точно таким же: те же радостные от перепоя лица, тот же уставленный бутылками стол. Разница была лишь только в том, что теперь я знал, чем это закончится.

Мои размышления прервал Длинный, протягивающий мне папиросу. Я, держа мундштук на небольшом расстоянии от вытянутых в трубочку губ, осторожно втянул в себя порцию сладкого дыма. Уже на выдохе я почувствовал, что страх ушёл, и ему на смену пришла приятная расслабленность. В один момент свет жёлтой лампочки, стал ярче, и всё вокруг приобрело четкие цвета и очертания, словно в телевизоре подкрутили тумблер яркости. Лицо Длинного приобрело правильные черты. Он стал неестественно красивым, будто хорошо прорисованный герой комикса. Я наблюдал за его жестами, и они казались мне взвешенными и правильными. Он, хитро улыбнувшись, взял у меня папиросу и глубоко затянулся. Я смотрел, как из его рта ползёт прозрачная змейка дыма. Змейка извивалась и заплеталась в кольца,

она становилась всё длиннее и объёмнее, и её росту не было конца. Длинный продолжал выдыхать дым, чуть вытянув вниз верхнюю губу, словно играл на флейте. Я заморожено наблюдал за дымом, струящимся из его рта, а что-то толкало меня в плечо. Я увидел, что это его рука, протягивающая мне папиросу. На этот раз я затянулся ещё осторожнее. Зелье было очень сильным, судя по преображению внешнего мира вокруг.

– Ты как? – Длинный два раза щёлкнул пальцами перед моими глазами, как психиатр, проверяющий реакцию пациента.

– Нормально! – Я услышал свой голос откуда – то со стороны, и он показался мне ужасно смешным. Я приснул и засмеялся. Длинный тоже засмеялся, глядя на меня как на полоумного. Отсмеявшись, он отобрал у меня папиросу, сделал ещё две глубоких затяжки и, поплевав на пальцы, аккуратно затушил её как свечку.

– Пожалуй хватит!

– Это точно!

Я, улыбаясь, озирался вокруг. Мир стал весёлым. На коврах весело резвились нарисованные медведи и олени, шкаф улыбался мне огромной щербатой пастью, в которой вместо зубов были разноцветные обложки книг; холодильник весело пританцовывал, брякая дверцей. Все предметы вокруг плавно пульсировали, словно я очутился в гигантском аквариуме. В телевизоре кот Джерри никак не мог достать

противного мышонка. Я наблюдал за этой весёлой погоней и смеялся взахлёб, как ребёнок.

Длинный присоединился ко мне, и мы ржали вдвоём, тыча друг друга локтями, будто видели этот мультик в первый раз.

Наблюдения за злоключениями кота вдруг натолкнули меня на вопрос, который я уже давно хотел задать Длинному.

– Слушай, Длинный, а откуда взялось это «Кыс – кыс – кыс». – Я снова хохотнул.

Длинный повернулся ко мне с довольной улыбкой. Весь его вид говорил, что он ждал этого вопроса. Точнее он ждал любого вопроса, чтобы начать. Он ждал и наконец-то дождался. Моё внимание замерло на его огромных чёрных зрачках, которые засасывали меня, как две огромные воронки.

– Это давняя история. Мне лет шесть было. Мои родители тогда только в этот район переехали. Для меня в то время оказаться на новом месте было всё равно, что сейчас очутиться в Китае или в Африке. Я и так рос зашуганным и боялся всего вокруг так ещё и эта смена окружающей обстановки. На меня как будто весь мир тогда ополчился. Мне было страшно везде: дома я боялся тараканов, в садике пацанов, которые меня гоняли. Один раз вышел во двор, так и там сразу встретил одного жердяя. Тот мне с ходу заявляет, мол ты новенький и если хочешь гулять во дворе, принеси мне бутерброд с колбасой. Я вернулся домой, якобы за бу-

тербродом, но так оттуда и не вышел. Теперь я боялся выходить даже во двор. Однажды утром мать повела меня в садик. Спускаемся мы с лестницы, вижу на нижней площадке кот сидит. Он такой огромный мне тогда показался, да ещё и чёрный. Я увидел этого кота и встал как вкопанный. Мать говорит, ты чего, мол, а меня сдвинуть с места не может. А кот этот уставился на меня своими огромными глазами, и я чувствую, что он сейчас нападёт. Тут я заорал. У меня такая истерика была, что все соседи из квартир повылазили. Чё там было, бабки орут, мать орёт, я ору, а кот стоит и смотрит, как ни в чём не бывало. Вдруг одна женщина подходит ко мне (это тётя Нюра была, я потом с ней очень сильно дружил) и говорит, ты чего, мол, так испугался. Кошки, они не любят, когда их боятся, их это только злит. Ты ему скажи «кыс – кыс – кыс» и иди своей дорогой. Он тебя ни за что не тронет. Это, говорит, заклинание такое.

Ну я успокоился, сказал это «кыс – кыс...» и мы спокойно с матерью мимо этого кота прошли, он нас только взглядом проводил. Он бы конечно и так не напал, но тогда я был уверен, что это заклинание сработало. После этого случая я стал везде это заклинание использовать (тётя Нюра ведь не сказала, что оно для кошек). Только говорил я его про себя. Знаешь, не было такого случая, чтобы оно не сработало. Я мгновенно наладил отношения со всеми пацанами и в садике и во дворе, и даже тараканы меня перестали пугать. Самое главное, что тогда произошло, я перестал бояться людей. Я

тянулся ко всем подряд, использовал любую возможность, чтобы с кем-нибудь познакомиться. У меня всегда была куча друзей, да я и до сих пор дефицита в общении не испытываю.

Я вынырнул на поверхность, только когда Длинный сделал паузу. Всё время его рассказа я был им, этим маленьким запуганным пацаном. Я отчётливо слышал крики и улюлюканье дворовых детей, видел розовощекого толстяка, слышал его злой раздваивающийся эхом голос: «принеси мне бутерброд...»; видел огромные зелёные глаза кота, его пугающие сверкающие зрачки и оскал маленьких клыков.

Только с окончанием рассказа, картинка в моих глазах поменялась, и я снова увидел огромные зрачки Длинного, его растянутые в улыбке пухлые губы.

– Ты чё завис? – спросил он меня.

– Да так...какое – то волшебство получается. Волшебное слово тебе соседка тогда сказала. Ни за что бы не поверил, если бы сам не убедился... – говоря всё это я вот – вот готов был сорваться на хохот. С одной стороны, я говорил то, что думаю, а с другой вся нелепость этого суждения для меня двадцатипятилетнего человека была очевидна, и я не мог быть серьёзным, проговаривая всё это вслух.

– В том то и дело, что волшебная... – Длинный стал серьёзным и моя улыбка в мгновение сошла на нет. В этот момент я чувствовал себя его зеркальным отражением. – А знаешь в чём волшебство?

Длинный держал паузу, гипнотизируя меня своим взгля-

дом, а я заворожено ждал, когда он продолжит. Я ждал кульминации, разоблачения фокуса.

— Произнося это, пусть даже про себя, ты не можешь оставаться полностью серьёзным. В момент, когда ты говоришь «кыс — кыс — кыс» ты начинаешь играть. Эта фраза позволяет тебе переключиться, выйти за рамки.

Длинный снова замолчал, а его последняя фраза эхом продолжала биться в моей черепной коробке. «Выйти за рамки...выйти за рамки...ыйти... а... амки». Я продолжал хранить молчание, уставившись на своё отражение, а оно, так и не дождавшись от меня вербальной реакции продолжило свои рассуждения.

— Есть два варианта восприятия одной и той же реальности. В первом варианте есть ты со всеми своими недостатками, комплексами, неудачами и прочим дерьмом которым ты облеплен как снежный ком. Всё, что может произойти в результате любого твоего действия, происходит именно с тобой. Именно ты будешь страдать в случае поражения; именно над тобой будут смеяться в случае неудачи; именно ты можешь быть травмирован, или даже погибнешь...

Колечко из сомкнутых пальцев Длинного поступательно двигалось на уровне моего носа, и я поймал себя на том, что хочу скопировать это его движение. Мои губы двигались в такт движениям губ Длинного, ведь я стал его отражением. Всё пространство маленького помещения было затоплено его голосом, и я плавал где — то на дне.

– Во втором варианте ты просто играешь. Здесь ты тоже присутствуешь, только в качестве кукловода. Куклой же является всё то, что ты из себя представляешь на данный момент. Ты во что играл в детстве?

Я не сразу понял, что это вопрос и адресован он мне и продолжал пялиться в своё отражение.

– Отомри! – колечко из пальцев изогнулось и разорвалось со звонким щелчком. – Ты во что играл в детстве?

– Я? Не в кукол... – раздалось откуда – то изнутри меня.

– Ясно, что не в кукол. В солдатиков, или в машинки?

– В солдатиков... – передо мной тут же возник зелёный ковёр, на котором стройными рядами расставлены разноцветные вооружённые человечки, сделанные из пластика.

– Хорошенько вспомни себя, когда ты играл в солдатиков. Испытывал ли ты что –нибудь, кроме интереса и азарта; может быть, ты нервничал, или трясся от страха перед важной битвой? – Пальцы в колечке были направлены прямо в мой левый глаз и теперь походили на маленький клювик.

– Ну это же совсем другое дело. Нельзя...невозможно сравнивать игру в солдатиков и реальную жизнь. – Я снова услышал свой голос будто со стороны.

– А я не сравниваю, я так живу... – Зрачки Длинного снова встретились с моими, и теперь не давали им ускользнуть, удерживая их словно магнитом.

– Просто ещё тогда, в детстве, я нашёл лазейку, с помощью которой мог выбираться из серой комнаты, оставляя

там свою личность со всеми её комплексами и страхами. Когда я произносил «кыс – кыс...» я становился другим. Я становился игроком, который просто управляет солдатиком. Пусть этот солдатик не самый большой, не самый красивый и сделан он из хренового пластика, это не важно. Важно то, что этот солдатик мой самый любимый, поэтому в этой игре он победит.

– Почему? – Я уже давно не управлял своим голосом, который неожиданно для меня задал этот вопрос.

Длинный выставил вперёд нижнюю челюсть и зашипел, словно удав из мультика про Маугли.

– Потому, что эта моя игра. Если даже он проиграет, то это будет только моё желание...

– Ты всегда играешь, даже сейчас? – голос изнутри задавал вопросы, которые я если бы даже смог сформулировать, то вряд ли решился задать.

– Нет, я не играю, когда я один...

– Но ты сейчас не один! – удивился и возмутился мой голос.

– С тобой я чувствую себя единым целым. Ты как моё отражение в зеркале...

Длинный как будто читал мои мысли, и от этого мне становилось немного не по себе. Мне ужасно хотелось проглотить комок, образовавшийся в горле, но там как будто всё пересохло.

– Дай попить, у тебя есть что –нибудь? – Я наконец то

завладел голосом, который внезапно осип.

Длинный одним прыжком очутился в коляске и уже через секунду был возле холодильника. Он достал оттуда пластиковую бутылку с газировкой и швырнул мне. Я был ещё в состоянии транса, поэтому не смог среагировать на стремительно приближающийся к моему лицу вращающийся предмет. Всё что я успел сделать, это выкинуть вперёд обе руки. Бутылка, отскочив от них, упала рядом на диван.

– Что ты, брат, совсем мышей не ловишь. Чему вас там в мабуте учили? – засмеялся Длинный. Он снова запрыгнул на диван, щелчком выбил из пачки «Беломора» папиросу и подхватил её пухлыми губами.

Несколько глотков ледяной воды разлились по моему телу божественным нектаром, словно я неделю скитался по пустыне. Я почувствовал бодрость и силы, чтобы продолжать дискуссию.

– А как это с тобой случилось? – я похлопал по подлокотнику коляски Длинного, чтобы было понятно, о чём вопрос. Действительно, только сейчас я обнаружил, что ничего не знаю о происхождении его инвалидности. Если про мой случай он хотя бы знал, что это была мина, то его случай был мне совсем неизвестен. Но даже не это меня интересовало больше всего. С помощью этого вопроса я хотел подобраться к другому: «объясни мне, почему так получилось, если всё это твоя игра? Неужели ты этого хотел?».

– Я не очень люблю вспоминать эту историю, но если те-

бе так интересно... — Длинный пыхтел папиросой, которую не вынимал из уголка рта. — Нашу колонну чехи обложили, когда мы по мосту через горное ущелье ехали. Шансов не было никаких. Всё по классической схеме, первую и последнюю машину из граников подорвали, все остальные оказались заблокированы. Было два Урала, Шишига, две бээмпэхи и бэрдээм. Я был на броне бэрдээма. Лупили безбожно, всех пацанов вокруг меня сдуло. Мост узкий, навесной, так что с машины никуда не денешься. Тут я подумал, что если прыгнуть вниз, есть хоть какой-то шанс. Высота была метров двадцать, этого бы хватило, чтобы в лепёшку разбиться. Но там внизу речушка горная была, узкая, как муравьиная струя. У меня был один шанс из тысячи попасть в этот поток. Он бы хоть как то смягчил удар, да и вода всяко лучше, чем острые камни. На раздумье было не больше трёх секунд. Пацанов вокруг поубивало, а граники уже прицельно стали бить. Ну я броник скинул и сиганул прямо с брони солдатиком. Дальше чё было не помню, сколько был в отключке тоже не помню. Когда очнулся, понял, что меня течением вниз тащит. Сопротивляться, или к берегу плыть было бесполезно, оставалось только держаться на плову и хватать ртом воздух. Не знаю, сколько километров я так проплыл, но говорят, что все тридцать вёрст с гаком. Короче удалось мне зацепиться за какую — то корягу, когда русло снова сузилось. Ещё несколько часов я в обнимку с этой корягой пробыл. Сил больше не на что не было, да и вода ледяная. Зима же

была. В общем чувствую, такое приятное блаженство наступает, ну как будто засыпаешь дома на мягкой перине. Я уже забываться стал, когда голоса услышал. Оказывается, на той стороне аул был, и меня оттуда заметили. В общем, мужики перебрались через речку и меня выудили. Так что повезло мне в один день аж два раза. – На последней фразе Длинный улыбнулся в первый раз за весь рассказ.

«Повезло? А ты с формулировкой не погорячился?» – этот вопрос я не стал задавать вслух, но Длинный наверное мог прочитать его в моих глазах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.